

грамотами просить во всемъ помогать нашимъ посламъ, быть ихъ совѣтчикомъ руководителемъ. Получая извѣстія отъ пословъ о чрезвычайныхъ услугахъ имъ со стороны Досиеея, государь старался поощрить патріарха къ дальнѣйшей службѣ русскимъ интересамъ своими особыми грамотами къ нему. „Понеже выразумѣли мы изъ доношенія посла нашего, пишетъ, на примѣръ, государь Досиеею отъ 20 мая 1703 года, въ Адрианополь пребывающаго, вашего блаженства искреннее радѣніе и труды, которыя полагаете во всякихъ случаяхъ благопотребныхъ къ дѣламъ нашимъ, паче же ко всему православному христіанству, по прежнему вашему блаженству благодарствуемъ, желая, дабы и впредь, по своей къ намъ ревности, во всякихъ приключаящихся дѣлахъ благонаставительный свой совѣтъ подавати послу нашему и вспоможеніе всякими увѣдомленіи чинити изволили, и онаго блаженства вашего радѣніе о дѣлахъ нашихъ никогда забвенію предано не будетъ, но и всякою нашею сердешною любовію воздати потщимся, прочее же повелѣли есмь словесно послу нашему вамъ донести. При семъ и паки желаемъ отъ Господа Бога вашему блаженству мирнаго и душеполезнаго состоянія, себя же вашимъ отеческимъ священнымъ молитвамъ и благословенію поручаемъ, и есмь вашего блаженства сынъ послушнѣйшій“¹²⁸).

ГЛАВА VI.

Служба Досиеея, какъ тайнаго политическаго агента русскаго правительства, не ограничивалась только тѣмъ, что онъ сообщалъ разныя свѣдѣнія нашимъ турецкимъ посламъ, давалъ имъ различныя совѣты и наставленія, служилъ посредникомъ въ ихъ сношеніяхъ съ нашимъ правительствомъ. Досиеею, кромѣ того, посылалъ въ Москву особыя грамоты государю, канцлерамъ Головину и Головкину, въ которыхъ онъ или просто только сообщалъ разныя политическія вѣсти, или же, сообщая вѣсти, вмѣстѣ съ тѣмъ и обсуждалъ ихъ, высказывалъ по поводу ихъ свои соображенія, давалъ совѣты и указанія нашему правительству, какъ ему слѣдуетъ поступать въ тѣхъ или другихъ случаяхъ.

Въ мартѣ 1691 года Досиеею писалъ царямъ въ Москву: „я изъ Адрианополя тому 18 лѣтъ письмецо писалъ присноблаженные памяти къ отцу вашему, государю царю киръ Алексѣю Михайловичу, и совѣтовалъ: покиньте подяковъ, но смирите прежде турковъ, потому что конечно хотятъ притти къ Днѣпру, однако жъ онъ не послушалъ и не вѣрилъ, а потомъ все такъ учинилось, какъ мы писали, и, чаю, что нынѣ письмецо наше есть и вы его прочтите“. Изъ этихъ словъ Досиеея видно, что онъ уже въ 1672 году пытался было давать политическіе совѣты русскому правительству, но его услуги не были приняты тогда во вниманіе царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Болѣе близкія отношенія съ До-

¹²⁸) Наша книга: Характ. отнш. Рос. къ прав. вост. Прилож. стр. 46.

сисоеемъ, какъ тайнымъ политическимъ агентомъ, въ первый разъ были завязаны посломъ Возницынымъ, который вполне понялъ и оцѣнилъ важность услугъ Досисоеея, почему онъ и рекомендовалъ его, какъ вполне преданнаго интересамъ Россіи человека, вниманію московскаго Посольскаго приказа. Самъ Досисоеей, посылая съ Возницынымъ разрѣшительную грамоту Никону, между прочимъ писалъ: „когда кто договаривается съ турками, потребно во первыхъ чисто совершить съ великимъ разсмотрѣніемъ и тогда послать посла. Такъ и нѣмцы, договариваясь о мирѣ, сперва поставили всѣ свои запросы цѣлы и безскудости, и согласились, чтобы съ обѣихъ сторонъ придти посламъ, и какой чести быть имъ, и гдѣ сойтись, и ѣхать одному въ одну сторону, а другому въ другую, и такъ по согласію сотворено совершенство“. Затѣмъ Досисоеей пишетъ еще: „просимъ ваше державство, да не впадутъ грамоты сіи въ чужія руки, но да будутъ во святыхъ вапихъ рукахъ и да не услышатся внѣ, какъ писалъ апостоль къ солунянамъ, ибо тайна беззаконія дѣется, и можетъ случиться какой нибудь предатель изъ христіанъ, и не принесетъ намъ сіе никакого добра. Сему учитъ насъ святое писаніе: Божія дѣла проповѣдывать праведно есть, царей же тайны сокрывать нужно“. Такъ писалъ Досисоеей государю, а на словахъ приказывалъ Возницыну, „чтобы онъ, по прибытіи въ Москву, великому государю донесъ: есть-ли прилучитца о какихъ дѣлахъ великому государю писать (къ Досисоеею), и великій бы государь указалъ къ нему писать безъ имени ево, и грамоты складывать малы и печатать какою малою печатью, чтобы того никто не зналъ, а онъ де потому жъ чинить станетъ и о всякихъ дѣлахъ, о которыхъ потребно, писать учнетъ. И дьякъ Прокофей Возницынъ говорилъ ему: что онъ о всемъ о томъ извѣстно учинить, а онъ бы, святѣйшій патріархъ, по благочестію своему, великому государю послужилъ и о дѣлахъ, которые потребны и належатъ вѣдать великому государю, его царскому величеству, писалъ, а радѣніе его у великаго государя забвенно не будетъ“¹⁾. Итакъ самъ

Досисоеей предлагалъ писать въ Москву о всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, какія нужно было знать русскому правительству т. е. самъ вызывался присылать въ Москву различныя политическія вѣсти изъ Турціи. Но правительство Софьи не воспользовалось самимъ Досисоеемъ заявленною готовностію служить политическимъ интересамъ Россіи, такъ что только съ окончательнымъ переходомъ власти въ руки Петра начинаются со стороны Досисоеея правильныя постоянныя присылки въ Москву разныхъ политическихъ вѣстей, причемъ эти присылки съ теченіемъ времени становятся все болѣе частыми и важными по своему значенію въ виду того, что самъ царь, высоко цѣнившій услуги Досисоеея, не разъ въ своихъ письмахъ къ нему просилъ его писать обо всемъ въ Москву какъ можно чаще, а вслѣдъ за царемъ объ этомъ же просили Досисоеея канцлеры Головинъ и его преемникъ Головкинъ.

18 марта 1691 года Досисоеей писалъ государямъ, чтобы они похлопотали предъ турецкимъ правительствомъ о возвращеніи грекамъ отвятыхъ у нихъ французами св. мѣстъ въ Іерусалимѣ, причемъ патріархъ совѣтуетъ не заключать миръ съ турками, если они не возвратятъ св. мѣстъ грекамъ. Но настаивая на возвращеніи св. мѣстъ грекамъ и требуя, чтобы изъ-за этаго цари начали даже войну съ турками, Досисоеей однако настаиваетъ и на томъ, чтобы цари хлопотали не только объ освобожденіи Іерусалима, но и о возвращеніи себѣ Украйны. „Я въ грамотѣ пишу къ вашему святѣйшему патріарху о полякахъ, пишетъ Досисоеей государямъ, а вы разумѣйте про здѣшнихъ, потому что когда хотите поляковъ одолѣть, тогда одолѣете, а здѣшнихъ не скоро можете одолѣть. только нынѣ время зѣло способное. Возмите прежде Украйну и говорите про вольскую и мулянскую землю, что вамъ надобно и доведетца взять и Іерусалимъ, и тогда учините миръ; намъ лучше жить съ турками, нежели съ французами. Однакожде и вамъ неполезный миръ, буде турки стануть жить за Дунаемъ, или въ Подольѣ, или въ Украйнѣ, или и Іерусалимъ оставите, — худой тотъ миръ, потому что некоторому государству они такъ не враждуютъ какъ вамъ. Я изъ Адрианополя тому 18 лѣтъ письмецо писалъ присноблаженные памяти къ отцу вашему, государю царю киръ

1) Турецкіе статейные списки № 21, л. 202.

Алексѣю Михайловичу, и совѣтоваль: покиньте поляковъ, а смирите прежде турковъ, потому что конечно хотятъ притти къ Днѣпру, однакожь онъ не послушалъ и не вѣрилъ, а потомъ все-такъ учинилось, какъ мы писали и, чаю, что и нынѣ письмо наше есть и вы его прочтите. И нынѣ совѣтую, что буде хотите мириться, миритесь, но такъ, чтобъ и Украина была освобождена и Иерусалимъ былъ отданъ, — подлинно и турки отступили бы за Дунай; а буде не такъ, лучше бы миръ покинули и Иерусалимъ покинули-жь. И лучше войте съ сосѣдями вашими вкупѣ и отгоняйте и смиряйте нечестивыхъ, а что поляковъ когда вы хотите смирить, тогда и смирите. Визирь нынѣшній явился достойнымъ человѣкомъ отъ того лишь, что взявъ Ниссу и Бѣлградъ, а причиною были вы, потому что татаре были съ нимъ вмѣстѣ, а если-бы татаре были задержаны, ничего бы не могли они сдѣлать. Однако на какого благодаренія вамъ за то неизъявляютъ, потому что думаютъ, что доброта ваша отъ неблагоразумія, и нынѣ, вмѣстѣ съ ханомъ, радѣютъ васъ обмануть, покамѣсть будетъ возможно нѣмцевъ побѣдить, а потомъ и за мужей васъ не будетъ почитать, потому что весьма глубоко и лукавъ онъ. Притомъ, нынѣшній ли или иной визирь будетъ, если побѣдятъ нѣмцевъ, то послѣ сего великую награду имѣть будутъ, и станутъ васъ воевать съ великимъ гнѣвомъ многихъ ради причинъ. Сего ради опять пишу вамъ, что если не будутъ освобождены Украина и Иерусалимъ, и если изъ Подолья не будутъ выгнаны турки, не дѣлайте мира съ ними, но стойте крѣпко, какъ васъ Богъ наставитъ, а когда Украина избавлена будетъ, то и они посмирятся и тогда Иерусалимъ взять будетъ. Если же станете миръ заключать и будете вначалѣ предлагать о Иерусалимѣ, а они вамъ не отдадутъ, вы мира не заключайте, турки за то убьютъ визиря, поелику онъ напрасную войну причинилъ. Случай имѣете, дабы поганцы смирились, и не пропустите его, мы вамъ совѣтуемъ, а Богъ наставитъ державу вашу къ лучшему. Притомъ говоримъ и то, что если турки захотятъ отдать вамъ и весь Иерусалимъ, а Украины не уступятъ и изъ Подолья не выйдутъ, не дѣлайте мира, потому что если они засядутъ въ Подольѣ, то, какъ сыщутъ удобное время, не

будутъ молчать, по своему обыкновенію. Только пособляйте полякамъ и инымъ покамѣсть здѣшніе погибнуть, которые суть великое зло и послѣднее, а потомъ удобно и иные погибнуть наипаче татары, которые побиваютъ христіанъ. А буде татары погибнутъ, то и турки съ ними и вся власть погибнетъ, и дойдетъ ваша власть до Дуная; а если цѣлы будутъ татары, то они васъ обманутъ, ибо впредь такого времени не сыщете, какъ нынѣ... Нынѣ вамъ пишемъ, не только о Иерусалимѣ радѣйте, но и о другихъ мѣстахъ, о коихъ упоминали выше, потому что когда между государей необходима война, то миръ тогда заключать грѣхъ. Досаждая вамъ, отдали Иерусалимъ французамъ и васъ ни во что ставятъ. Смотрите, какъ смѣются вамъ: ко всѣмъ государямъ послали грамоты, что учинился новый султанъ, а къ вамъ не пишутъ ничего; раззорили Украину и заключили съ вами миръ, а ни въ чемъ постоянства не показали, они думаютъ какъ умножиться въ Подоли, поднять на васъ поляковъ и татаръ и воевать васъ день и ночь. Татары — горсть людей, а похваляются, что берутъ съ васъ дань: посему какъ татары подданные туркамъ, также и вы подданные имъ. Много разъ вы хвалились, что хотимъ сдѣлать то и другое, и всегда только являлись слова, а дѣла не явилось ничего. Нынѣ время, когда всѣ государи христіанскіе возстали; обманываютъ поляковъ и лѣстятъ имъ, и поляки совѣтуютъ вамъ, а когда утвердится ихъ дѣло, то намѣреніе ихъ: никогда съ вами мира не имѣть, но всегда войну. Сихъ ради причинъ и что за тѣмъ послѣдуетъ, бдите, труждайтесь, радѣйте, имѣя въ виду будущія такія причины; вы же молчите и не дѣлаете угоднаго ни Богу, ни человѣку. А если станете дѣйствовать, то и миръ царству вашему доставите, и во всемъ мѣрѣ славу и честь получите, а народу православному великую помощь окажете и наконецъ: въ царствіи небесномъ будете равноапостольни¹⁾. — Такъ энергично приглашалъ Досиѣей царей вести борьбу съ турками, или же если и заключить съ ними миръ, то миръ почетный, вполне достойный Россіи и выгодный какъ для нея, такъ и для всего православія; онъ

¹⁾ Греческія дѣла 7200 г. № 1.

хотѣлъ, чтобы Турція смирилась предъ православною русскою державою, испытавъ на себѣ ея силу и мощь; но этого можно достигнуть только при самомъ энергичномъ и рѣшительномъ образѣ дѣйствій русскаго правительства, при желаніи его во чтобы то ни стало настоять на своемъ, неотступая въ этихъ видахъ даже предъ войною.

Въ октябрѣ 1692 года въ Москву прибылъ посланный Досиоея, его племянникъ архимандритъ Хрисанеъ. Отъ имени Досиоея Хрисанеъ заявилъ въ Москвѣ слѣдующее: „просить Константинъ, мултянскій господарь, чтобы святое величество промыслъ учинить изволили надъ городами турецкими, на Днѣпрѣ стоящими, и ихъ взять, дабы и Бѣлгородскую орду раззорить; тогда тѣ два государства (Молдавія и Валахія) поддадутся царскому величеству безъ всякаго замедленія, и въ этой надеждѣ будетъ выжидать время господарь мултянскій, который платитъ двѣ дани: одну туркамъ явно, другую нѣмцамъ тайно, чтобы не раззорили его государство. Посему за два года предъ тѣмъ, будучи принуждаемъ нѣмцами къ подданству ихъ, бѣжалъ изъ своей столицы и нѣмцы пришли въ его государство, а онъ, призвавъ татаръ, нѣмецевъ выбилъ вонъ и потомъ, чрезъ тайныя мѣста мултянскія, провелъ татаръ и турокъ въ седмиградскую землю, гдѣ одержали они ту побѣду, которою турки опять ожили. Дѣло сіе двухъ ради причинъ учинилъ господарь: первое, чтобы папешское дѣло не распространялось; другая же та, что ежедневно надѣется, да будетъ государство его во владѣніи православныхъ, а не у еретиковъ. Если же захотѣлъ бы съ нѣмцами согласиться, то уже по сіе время нѣмцы завладѣли бы всѣми тѣми странами даже до Дуная. При семъ и то приказалъ господарь: если войско пойдетъ на Бѣлгородскую орду, то болѣе 60 тысячъ казаковъ не надобно, и въ одинъ мѣсяць могутъ всю орду раззорить, когда же та орда раззорится и городки, что на Днѣпрѣ, взяты будутъ, тотчасъ и онъ возстанетъ противъ поганыхъ и съ нимъ множество христіанъ совокупится; для сего далъ господарь и чертежъ Бѣлгородской орды, который я объявилъ въ Посольскомъ приказѣ. При семъ мнѣ приказывали святѣйшій патріархъ и господарь, дабы я и то объявилъ, что турки и всѣ

короли папешскіе и самъ цесарь суть великіе враги царскому величеству: турки, ибо вѣдаютъ, что сіе православное царство весьма пространно, и есть у нихъ пророчества, что отъ сего царства будетъ взять Царьградъ, и имѣютъ они здѣсь множество подданныхъ магометанской вѣры, и такъ, если могутъ въ чемъ вредить Москвѣ, то великая имъ мзда отъ Бога. Паписты враждуютъ какъ еретики и къ тому завистливые, а поляки хотя притворяются, что друзья будто они московскому государству, однако радѣютъ, какъ бы учинить миръ съ турками, и между иными статьями одна имъ необходима, въ чемъ они единомысленны и съ цесаремъ: дабы когда Москва начнетъ воевать поляковъ, или поляки Москву, тогда бы полякамъ дать отъ себя помощь и туркамъ и татарамъ. Сего ради подобаетъ царскому величеству радѣть о томъ, чтобы татаръ смирить въ нынѣшнее время, или промышлять такъ, что буде цесарь и поляки учинятъ миръ съ турками, то бы царскому величеству предупредить этотъ миръ, дабы не посмѣялись еретики, но сами осмѣяны были, о чемъ просить и государь мултянскій совершеннаго отвѣта чрезъ меня, чтобы и онъ зналъ какъ себя управить и какъ дерзать, или явно склониться къ одной сторонѣ и вручить себя на волю Божію“. Но это предложеніе Досиоея и мултянскаго воеводы Константина, чтобы государи начали войну противъ турокъ раззореніемъ Бѣлгородской орды, послѣ чего воевода пристанетъ къ русскимъ и отдастъ себя со всею своею страною подъ высокую руку царей, государи отвѣчали привезшему это предложеніе Хрисанеу: „мултянскаго воеводу Іоанна Константина за его радѣнье о дѣлахъ, предложенія и предостереженія, великіе государи жалуютъ и милостиво похваляютъ, служба его и то предложеніе у нихъ въ забвеніи не будетъ, и чтобы онъ, архимандритъ, царскую сію милость воеводѣ объявилъ, когда къ нему возвратится изъ Москвы, и чтобы впредь великихъ государей извѣщаль о всѣхъ дѣлахъ, какія въ тамошнихъ странахъ будутъ происходить“¹⁾.

Въ маѣ 1693 года Досиоей писалъ находившемуся въ Москвѣ архимандриту Хрисанеу, чтобы онъ передалъ въ

¹⁾ Греч. дѣла 7201 г. № 4.

Посольскій приказъ слѣдующія сообщаемыя имъ вѣсти: „посоль аглицкій пришелъ въ Андрианополь и просилъ о мирѣ. Посла призывали къ прежнему визирю, предъ муфтія и весь синклитъ, и онъ просилъ у турокъ, со стороны цесаря, седмиградскаго господарства и мултыанскаго, а со стороны венеціанъ Аѳины, Оивы, Негропонть и всю ихъ окресность, а со стороны поляковъ волошской земли и бѣлгородской орды, и оттого турки нивочто его поставили и отвѣта ему недали“. Извѣщалъ за тѣмъ, что въ послѣднихъ числахъ мая идетъ со всею своею силою къ Бѣлгороду новый визирь, потому что прежняго визиря перемѣнили. Отъ 9 августа тогоже года Досиеей, вмѣстѣ съ своею грамотою государямъ, прислалъ и копію съ мирныхъ предложеній англійскаго посла туркамъ, причемъ англійскій посоль являлся посредникомъ между турками и воевавшими съ ними союзниками. Въ пользу австрійцемъ мирныя статьи между прочимъ выговаривали, чтобы седмиградская земля осталась за цесаремъ и чтобы св. Гробъ никогда не былъ возвращенъ грекамъ. Для поляковъ выговаривали возвращенія Каменца Подольскаго, уступки имъ Бѣлгородской орды, молдавскаго и волошскаго господарствъ. Для венеціанъ — Мореи и нѣкоторыхъ мѣстъ на далматинскомъ побережьи. Для Москвы же послы только общались, что чрезъ годъ, при посредствѣ нѣмцевъ и поляковъ, они будутъ содѣйствовать заключенію мира между Москвою и Турціею, и что бы при этомъ турки отдали москвичамъ Азовъ и еще двѣ крѣпости при его рубежѣ. Приведа эти мирныя статьи Досиеей по поводу ихъ разсуждаетъ: „Зри нечестивыхъ папистовъ прошеніе, которые не имѣютъ иного намѣренія, токмо погибель православныхъ: во первыхъ, представляютъ будто имѣютъ попеченіе о Москвѣ, но сіе, думаемъ, ради своей нужды, а не любви. Во вторыхъ, обрекаютъ грековъ на вѣчное порабощеніе и погибель. Въ третьихъ, сосѣдямъ своимъ, папистамъ же, при туркахъ живущимъ, радѣютъ всею силою, а для православныхъ ничего. Въ четвертыхъ, поминаютъ объ отдачѣ Азова Москвѣ и двухъ крѣпостей т. е. нѣчто малое, что не только Москва, но и ея подвластные вскорѣ взять могутъ, а не предлагаютъ, чтобы Украина была за Москвою. Въ пятыхъ, какъ

положатъ нѣмцы рубежемъ Дунай и возобладаютъ сербскою, венгерскою и седмиградскою землями, а поляки возмутъ Украину, Подолію, волотскую и мултыанскую земли, также и Бѣлгородскую орду, тогда они будутъ первые враги Москвѣ и всегда война будетъ съ ними. А когда болгары, сербы, волохи, мултыяне и седмиградчане будутъ подъ ними, тогда станутъ всѣхъ принуждать въ унию, также какъ и благочестивыхъ, которые теперь подъ ними обрѣтаются, и не только весьма умалится благочестіе и паписты будутъ весьма сильны, и не столько будутъ непріятелями туркамъ, какъ православному царству врагами. Въ шестыхъ, если нынѣ возмутъ Бѣлградъ и, какъ слышимъ, что осадили Негропонть и буде возмутъ его, тогда великую возымѣютъ гордость и всякую войну будутъ подымать на православныхъ. Въ седьмыхъ, хотя и не возмутъ тѣ города и миръ заключать, однако св. Гробъ достанется имъ, и если турки примутъ предложенія ихъ и станутъ о томъ писать въ своихъ договорахъ, то впредь никакими средствами невозможно будетъ сего исправить. Въ восьмыхъ, нѣмцы перешли Дунай ниже Бѣлграда и раззорили Семендрію и Сарджикъ, сожгли предмѣстья Бѣлграда даже до Ниссы, а теперь, пока пишу, пришла вѣсть, что венеціане взяли Негропонть и подъ городъ Солунъ пришли и надѣются, что могутъ и нѣмцы по Дунай придти и взять мултыанскую землю, а поляки возмутъ волошскую, а греческую венеціане съ нѣмцами, и тогда православнымъ будетъ великое утѣсненіе, и одинъ Богъ вѣдаетъ, будетъ ли возможно то дѣло исправить, вѣдаютъ и тѣ, которые по Богѣ владѣютъ. А мы, сколько можемъ знать, такъ разумѣемъ, что если воиска ваши раззорятъ татары, тогда волохи и мултыяне, не имѣя страха отъ нихъ, легко бы воспротивились нѣмцамъ, также сербы и болгаре всѣ бы за одно были съ мултыянами, а казаки, какъ была бы воля, легко бы выучили поляковъ, и не только бы отмстили имъ, что уже тысячу лѣтъ принуждаютъ они православныхъ въ унию, но отмстили бы и за ту льстивую любовь, какую вамъ показываютъ, и надѣмся, что будутъ смиренны, потому что тому дѣлу Богъ поможетъ и любящимъ Бога все способствуетъ ко благому; да и то можемъ сказать, что турки отнынѣ и впредь не могутъ помочь татарамъ“¹⁾.

¹⁾ Ibid.

Такимъ образомъ Досиоею казалось, что ослабѣвшая Турція уже не можетъ болѣе сопротивляться западнымъ государствамъ и ея области, населенныя православными христіанами, перейдутъ въ руки иновѣрныхъ западныхъ государей, вслѣдствіе чего положеніе православныхъ сдѣлается еще хуже, чѣмъ оно было при туркахъ, такъ какъ латиняне всѣхъ подчиненныхъ имъ православныхъ постараются обратить въ унию, что они уже дѣлали и ранѣе. Русскіе государи должны по этому предупредить опасность, грозящую православнымъ народамъ, желающимъ подчиниться только православному царю, о чемъ валахскій воевода уже ранѣе заявлялъ въ Москвѣ черезъ него—Досиоея. Православный востокъ въ силахъ самъ справиться съ своими врагами, но только подъ условіемъ энергичнаго и рѣшительнаго образа дѣйствій русскаго правительства. Пусть русскіе государи только разгромятъ татаръ, и тогда мултаны и волохи выгонятъ отъ себя нѣмцевъ, тѣмъ болѣе что къ нимъ пристанутъ сербы и болгары, а съ поляками вполне удобно расправятся и одни казаки. Вопросъ идетъ, по мнѣнію Досиоея, о томъ, кому достанется православный востокъ: западнымъ-ли иновѣрнымъ государямъ или же православнымъ русскимъ царямъ, какъ того желаютъ сами православные народы?

Надежды Досиоея на русскихъ, казалось, стали наконецъ исполняться. Царь началъ войну съ турками; взялъ и укрѣпилъ Азовъ, построилъ Таганрогъ, усиленно строилъ флотъ, который скоро долженъ былъ появиться на Черномъ морѣ,—Крымъ теперь будетъ взятъ русскими, а изъ Азова рукой подать и до Константинополя, куда на помощь русскимъ направятся всѣ православные народы, которые обязательно возстанутъ при появленіи русскихъ; часъ освобожденія православныхъ народовъ, казалось, уже наступилъ, стоило сдѣлать еще только нѣсколько усилій и агарянское царство рухнетъ окончательно,—древнее наслѣдіе благочестивыхъ греческихъ царей законно перейдетъ въ руки благочестивыхъ царей русскихъ, не слѣдуетъ только полагаться на западныхъ государей, которые всѣ, въ существѣ дѣла, заклятые враги православія и православной Россіи.—Но этимъ надеждамъ Досиоея не суждено было сбыться. До него дошли слухи,

что западныя государства, такъ успѣшно воевавшія въ послѣднее время съ турками, хотятъ съ ними помириться и, что особенно встревожило его, слухи говорятъ, что будто бы и русскій царь хочетъ заключить съ турками миръ. Въ виду этого Досиоей рѣшился убѣдить русскаго царя во чтобы то ни стало продолжать войну съ турками и въ томъ случаѣ, еслибы всѣ союзники его примирились съ ними.

Въ грамотѣ отъ 20 іюня 1698 года Досиоей сообщаетъ государю, что между турками съ одной стороны, австрійцами, венеціанами и поляками съ другой, рѣшено заключить миръ, какъ полагаютъ, на 18 лѣтъ, и такимъ образомъ война, грозившая окончательною гибелью невѣрнымъ, съ этой стороны должна прекратиться. Это дѣло естественное и съ нимъ Досиоей мирится. Но его особенно тревожатъ и печалятъ другіе распространившіеся слухи: „говорятъ, что будто и ваша божественная держава содержится въ томъ же договорѣ о мирѣ“, чему Досиоей рѣшительно не хочетъ вѣрить. „Мы чаемъ, пишетъ онъ, что все сіе басни и вымыслы, далекіе отъ истины, ибо вѣдаемъ, что священная глава ваша исполнена разума, мудрости и любви,—и можно-ли, приуготовивъ толикія дѣла для избавленія рода нашего, чтобы ты искалъ примириться, наипаче имѣя примѣры: великаго Моисея, а послѣ него Судей и Давида, которые много потрудились на войнѣ и, послѣ нихъ, еще славныхъ благочестіемъ великоименитыхъ самодержцевъ греческихъ, которые не щадили оружія и денегъ и трудовъ многолѣтнихъ, заботясь о тѣхъ православныхъ, которые въ Персіи и въ Африкѣ и въ Италиіи и въ иныхъ мѣстахъ были обижаемы отъ нечестивыхъ, тѣмъ паче, что ваша божественная держава болѣе всѣхъ ихъ непобѣдима. Мы же, о божественный самодержецъ, ниже вѣрить будемъ, что ваша Христолюбивая душа приметъ такой миръ, ибо онъ противенъ православію и отъ противниковъ православія приходитъ. Посему ожидаемъ съ Богомъ, что бы ты положилъ окончаніе тѣмъ дѣламъ и наипаче тому, которое началъ, ибо оно свято и боголюбезно. Многіе желали совершить сіе, но не могли, поелику Богъ сохранилъ сіе для вашего Имъ утверждаемаго царствія. Однако нетеряемъ надежды и ожидаемъ чрезъ ваше сильное царство спа-

сенія нашего. И паки молимъ благоутробнѣйшую душу вашу не отлагать дѣло ваше впредь, что бы не быть побѣжденными человѣческими совѣтами и не оставить дѣло Божіе, но поборай о домѣ и градѣ Божіи и, Богомъ вѣнчанный, вспоминай Александровъ, Августовъ и православныхъ избранныхъ самодержцевъ, какъ, потрудившись немного, оставили они по себѣ великую славу, и апостольски убожаются у Бога, которыхъ и церковь восхваляя именуетъ хранителями своими и отсчитателями, дабы возбудить къ подвигу и царей и архіереевъ“. Затѣмъ Досиоей старается доказать, что русский царь и одинъ, помимо всякихъ союзниковъ, одними только собственными силами вполне успѣшно можетъ окончить войну съ турками, и даже окончательно уничтожить ихъ. „Неопасайся поганцевъ, пишетъ Досиоей государю, но вспоминай Моисеевское рѣченіе: како гонить единъ тысящу, а сто гонить тьмы. Да будетъ достовѣрна ваша святая душа, что имѣешь поборникомъ Господа нашего Іисуса Христа: аще Богъ съ нами, кто на ны? Не пейся о томъ, что паписты примираются, а вспомни двѣ вещи: что Богъ соблюдалъ сіе дѣло для вашего святаго царствія, ибо хочетъ православнымъ царемъ побѣдить врага, да будетъ и царство православное, и не хочетъ, чтобы еретики имъ владѣли, что противно православію. Второе: всѣ папешскіе государи вмѣстѣ не могутъ того, что можетъ одна ваша святая держава, тѣмъ паче, что они никогда не могутъ между собою согласиться, какъ это показалъ многократный опытъ,—хотѣли и не могли, а если иногда и соглашались, то опять другъ друга губили. Кажется, будто и нынѣ соглашаются, но и это по зависти, какую питаютъ противъ вашего святаго царства. Если бы не воевала Богомъ вѣнчанная держава ваша, пошелъ бы ханъ со множествомъ татаръ на Польшу или съ визиремъ на нѣмцевъ, и конечно бы побѣдили ихъ и разорили. Но божественная твоя высокость, хотя и умѣренно, однакоже причиною была, что татары остались дома и паписты явились побѣдителями, хотя во всѣхъ дѣлахъ и показали себя неблагодарными, ибо король польскій пришелъ было въ волошскую землю, но несчастивый позорно побѣжалъ отъ немногихъ татаръ и чрезъ то явно стало, что если бы незадержаны были татары отъ

вашей державы, они разорили бы папистовъ. И такъ, ваша высокая рука сотворила людьми папистовъ, а они вмѣсто благодарности что сдѣлали? Поляки опять были въ Яссахъ и сдѣлались причиною, что сколько тысячъ благочестивыхъ волюховъ впади въ полонъ, такъ что отъ пятидесяти ни одинъ не остался въ Польшѣ православнымъ: иныхъ насилуютъ, а иныхъ прельщаютъ къ папешству или, вѣрнѣе сказать, безбожію. А добрые люди нѣмцы сербовъ, которые къ нимъ бѣжали, почитая ихъ друзьями вашей святой державы, которые нынѣ живутъ около Будина и Коморина, многими кознями стараются прельстить къ папешству, наипаче силою. И что горше сего, что привилегіи даруетъ имъ добрый кесарь, но и тотъ, который ихъ даетъ и тѣ, которые около него, не оставили насильства противъ сербовъ, и они же хотятъ въ седмиградской землѣ выгнать благочестиваго архіерея, чтобы надъ всѣми поставить епископа папешскаго. До такой степени неблагодарны и враждебны папешники вашему святому царствію! Но таковы же и прочіе еретики, англичане и голландцы, ибо, какъ пишетъ св. Василій Великій: іудеи противятся еллиннамъ и оба истинному христіанству, такъ и здѣсь: противятся папешникъ лютеро-кальвиннамъ и оба истинному христіанству, ибо всѣ они видѣли такую готовность и слышали изъ святыхъ вашихъ устъ, что хотите молебствовать въ св. Софіи и, позавидовавъ, радѣютъ примириться съ поганцами и наипаче въ то время, когда поганцы въ такомъ пребывають положеніи, что и кораблей не могли приготовить, ни выслать ихъ по обычаю въ Бѣлое море, а схизматики-еретики, по зависти къ вашему святому царствію, оставляють благополучное время побѣдить врага своего и радѣютъ съ нимъ помириться. И ваше священное высочество уважають, просятъ и восхваляютъ только для того, чтобъ помощію вашею побѣдить непріятеля или избѣжать его нашествія; а буде увидятъ, что возстаете или распространяете предѣлы ваши, тогда завидуютъ и будутъ навѣтовать, хотя и не явно, но тайно, по обычаю еретическому. Сего ради ваша пречестная душа, имѣя свѣдѣнія о ихъ любви къ вамъ, невѣрь имъ, ниже преклоняй святія уши свои къ совѣтамъ ихъ, но держись настоящаго святаго дѣла, а мы по обязан-

ности сіе пишемъ, и уповаемъ на вашу божественную державу, что всѣми средствами будешь держаться настоящаго святаго дѣла, и никакой человѣкъ не возможетъ никакими мѣрами удержать васъ отъ святаго предпріятія. Пишемъ и молимъ, дабы поспѣшили на сіе дѣло, которое во славу Отца и Сына и св. Духа, одинаго по естеству Бога“. Въ концѣ грамоты, въ видахъ еще болѣе убѣдить царя продолжать войну съ турками, Досиѳеѣй дѣласть еще такую приписку: „Христіаннѣйшій и божественнѣйшій владыко! вспомни, что Вседержитель Богъ не восхотѣлъ, что бы Гедеонъ побѣдилъ мадеонитовъ со многими, но съ небольшимъ числомъ для того, чтобы видно было, что это дѣло Божіе. И такъ, если и помирятся еретики, довлѣетъ вашей державѣ, чтобы побѣдить непріятелей. Смотри какъ мы умалены: дань за данью непрестанно отъ насъ требуютъ, и въ скоромъ времени не останется ни патріаршества, ни монастыря, ни христіанъ. Не оставь дѣла, на которое вызвалъ тебя Богъ, а если, попущеніемъ Божиимъ, не получимъ избавленія, то хотя во время мира поради, чтобы намъ были отданы назадъ св. мѣста, какъ было прежде сего“¹⁾).

Такъ убѣждалъ и молилъ Досиѳеѣй царя, не обращая вниманія на надежныхъ своихъ союзниковъ, мирящихся съ турками, продолжать войну съ послѣдними одному, имѣя помощникомъ только одного Бога, который несомнѣнно поможетъ царю, какъ ратующему за святое и богоугодное дѣло. Но царь рѣшилъ однако поступить иначе, нежели какъ желалъ и совѣтывалъ Досиѳеѣй. вмѣстѣ съ своими союзниками онъ приступилъ къ мирнымъ переговорамъ съ турками и въ Константинополь, для окончательнаго заключенія мира, отправленъ былъ посолъ Украинцевъ. Досиѳеѣй примирился съ такимъ исходомъ дѣла и, какъ мы видѣли, ревностно сталъ помогать во всемъ и служить Украинцеву во время его пребыванія въ Турціи. А такъ какъ Досиѳеѣй смотрѣлъ на заключенный миръ между Россією и Турцією только какъ на временный перерывъ борьбы между ними, которая при первомъ удобномъ случаѣ, въ недалекомъ будущемъ, возгорится

1) Прилож. № 3.

снова, то онъ и постарался преподать царю нѣкоторые совѣты и указанія, въ видахъ убѣдить царя воспользоваться наступившимъ мирнымъ временемъ для лучшей подготовки къ предстоящей борьбѣ съ турками.

Съ посломъ Украинцевымъ Досиѳеѣй прислалъ государю три грамоты, писанныя имъ отъ 2 августа 1700 года. Въ первой изъ нихъ Досиѳеѣй даетъ совѣтъ царю крѣпче привязать къ себѣ казаковъ и позаботиться о поддержаніи у казаковъ ихъ стараго воинственнаго духа. „Казаки, пишетъ Досиѳеѣй, или сильныя суть или не сильныя, — нѣчто нынѣ время о томъ истязати, однакоже глаголемъ, яко язычныя, или рещи, турки почитаютъ ихъ, что они крѣпкія: перво для того, что когда ходятъ на войну, ненадобны имъ многіе запасы и богатія ѣды и разныя пици, но довольствуются малыми какими запасами и деньгами. Второе, яко того ради всегда суть готовы къ войнѣ. Третіе, яко не боятся бѣдства и самой смерти, но готовы всегда бѣдствовать, и умирати, что составляетъ свойство истинныхъ воиновъ. Сего ради поганые, имѣя такую мысль о казакахъ, и постоянно враждуя паче всѣхъ иныхъ христіанскихъ государей противъ вашего святаго и державнаго царствія, никакое иное дѣло такъ не желаютъ, какъ радѣють, насколько силы ихъ есть, разлучити казаковъ отъ подданства вашего, о каковомъ дѣлѣ и многожды радѣли, чтобы совершить его, что хорошо вѣдаетъ и ваше святое и великое царствіе. И понеже сіе дѣло погановъ нетокмо есть древнее, но и новое, а наипаче нынѣ, когда видятъ, что великое ваше царствіе, отъ Бога устремленное, почитаетъ, любятъ и жалуетъ казаковъ, они отъ зависти таютъ и разрушаются, а въ тоже время души ихъ вымышляютъ и больше прежняго радѣють, домогаясь крѣпко того дѣла, что бы могли отлучить казаковъ изъ подъ вашей власти. А мы добро и несумнительно познавая то дѣло, дерзаемъ, якоже рехомъ, аки изрядные ваши богомольцы, и доносимъ сіе дѣло къ Богомъ величаемой державѣ, дабы имѣлъ о томъ вѣдомость и пожаловалъ бы ихъ — казаковъ паче прежняго, а наипаче чтобы указалъ и поставилъ бы такъ, дабы никто не могъ говорити противно про казаковъ вашему, божественному величеству, а кто станетъ дерзати говорити про нихъ против-

ное, дабы исчитанъ былъ аки врагъ явный и не сумнительный измѣнникъ Богомъ вѣнчанной вашей державы. Внимай святой и Богомъ величаемый Августе и слыши исторію, которую пишутъ Георгій Кедринъ, Іоаннъ Зонара и исповѣдникъ святой Теофанъ, котораго празднуетъ церковь Христова втораго на десять числа марта мѣсяца, о нѣкоторомъ дѣлѣ, которое случилось при святомъ самодержцѣ Константинѣ Пагонатѣ и сынѣ его Іустинѣ, и пишутъ сіе похвалу Константина, а нареканіе Іустиніана“. Затѣмъ Досиѳей рассказываетъ, какъ греческій царь Константинъ Пагонатъ сумѣлъ привлечь къ себѣ воинственныхъ маронитовъ, жившихъ на Ливанскихъ горахъ, благодаря чему сосѣдніе владѣтели, питая страхъ предъ маронитами, не только не нападали на охраняемая ими греческія области, но еще старались заискивать всячески у императора Константина. Но когда его неблагоразумный преемникъ переселилъ маронитовъ съ Ливанскихъ горъ, тогда сосѣди стали нападать на греческую землю и принесли ей много зла. Рассказавъ эту исторію Досиѳей просить государя приложить ее къ казакамъ: „держи ихъ подъ кровомъ своимъ, пишетъ онъ, понеже суть стѣна нерушимая и адаманская на турки и на татары и прочихъ зломысленныхъ сосѣдовъ. Султанъ Османъ, когда пошелъ воевать Каменцы, хотя и сыскалъ тамъ войско польское многочисленное, однакожде имѣлъ надежду, что совершитъ свою волю; но когда видѣлъ, что пришли сорокъ тысящъ казаковъ и совокупилися съ польскимъ войскомъ съ печальми своими, тогда призвалъ бывшаго съ нимъ мултанскаго воеводу Радула, и велѣлъ ему быть посредникомъ и учинилъ миръ съ поляками, и отступилъ назадъ въ турецкую землю. Но и не давнія казацкія дѣла достойны быть записанными т. е. тѣ, какъ поляки ни во что ставили казаковъ и казаки возстали на нихъ, и что случилось въ Польшѣ отъ тогдашняго времени даже донынѣ,—свидѣтели суть дѣла самыя и едва не вчерашнее дѣло: казаки, гонимые отъ поляковъ, привели турокъ въ Подолю и Украину, и хотя и казаки отчасти пострадали, но поляки зѣло горше ихъ страдали, и впредь сколько будутъ страдать отъ казаковъ, Богъ вѣдаетъ“. Послѣ этого Досиѳей еще рассказываетъ царю одну исторію, подоб-

ную первой, и затѣмъ пишетъ: „не остави убо, о Божественный образъ преславныхъ божественныхъ Троицы, божественнѣйшей и поклоняемъ великій царю, чтобы казаки были въ небреженіи, такъ какъ они охраняютъ входъ отъ турокъ и татаръ, но оберегай ихъ царскою крѣпкою и милосердою рукою: службу, честь и славу божественнаго величества и посрамленіе неусыпаемыхъ враговъ православныхъ вѣры. При семъ и сіе слышимъ, что когда казаки добиваются на войну,—платя, скота, денегъ или рабовъ похотятъ изъ рукъ ихъ начальствующихъ ими, то это не добро дѣлается, такъ какъ это дѣлаетъ казаковъ лѣнливыми, а иногда и измѣнниками. А царское дѣло есть: дабы учинился указъ и заповѣдь писанная, въ которой смертная казнь указана бы была подлинная тѣмъ, которые ослушники будутъ, и дабы всякія добычи ихъ, всѣ были бы ихъ, какъ дѣлаютъ и турки относительно своихъ янычаръ и другихъ воиновъ; а буде и возьмутъ что воеводы ихъ, чтобы взяли только десятую долю, а меньше, какъ дѣлаютъ татары. А если самодержцы такой указъ божественный постановятъ, чтобы завоеванною землею съ ея городами и областями въ цѣлости овладѣвали цари, а жорысти и добыча вся чтобы раздѣлены были воинскимъ людямъ, вельдетвіе чего войны всегда готовы будутъ воевати и преемѣло на враги устремляются, и ни вочто ставягъ умирать за честь, славу и указъ божественнаго величества. А посему, понеже учинился миръ съ здѣшними (т. е. турками), неподобаетъ однако оставлять казаковъ въ покои быти и храпѣти, якоже пророкъ Іона въ кораблѣ, и сіе убо для того: понеже якоже война ищетъ миръ, такъ и миру слѣдуетъ война, а наипаче съ здѣшними язычними, о нихъ же многіе приклады суть, яко не стоятъ въ своихъ договорахъ истинно, но навѣдуютъ и нечаемо войны поднимаютъ, понеже сіе есть ихъ закона главизна. И напримѣръ поставляемъ: яко Салтанъ Салимъ, который взялъ Кипросъ островъ отъ венеціановъ, желая нарушить миръ съ венеціанами, дабы могъ воевать и взять Кипръ и не имѣя къ сему причины, вопросы муфтія своего: не будетъ-ли грѣхъ, чтобы начать войну? А муфтіи отвѣчалъ ему: что буде война та, которую хочетъ (султанъ) начинать для взятія Кипроса належитъ къ

прибыли вѣры бусурманскія, не будетъ грѣха нарушить присягу и разорвать миръ съ венеціанами, но даже будетъ имѣть отъ сего честь и мзду, якоже творяй дѣло, которое належитъ къ пользѣ вѣры бусурманской и царствія его. И слышавъ сіе султанъ оный завоевалъ и взялъ Кипросъ, и отсюда явно есть, яко поганцы до тѣхъ поръ покоятся и хранятъ миръ, пока не могутъ (воевать), а когда могутъ, вымышляютъ они причины и воздвигаютъ брань и поднимаютъ войны внезапныя и весьма нечаемыя. Сего ради славные разумомъ и воинскимъ управленіемъ самодержцы всегда сыскивали причины и обучали воиновъ своихъ воинскимъ дѣламъ. дабы были готовы во время войны. „Въ виду всего этого Досиеей въ заключеніе совѣтуетъ царю, такъ поставить казаконъ, „чтобы они знали вся потребная и полезная и къ Богу и къ святому и къ Богомъ почтенному вашему царствію, а наипаче, дабы были такіе, якоже мнать ихъ быти турки и татары, понеже слышимъ о нихъ (казакахъ), что стали боязливые и лѣнныя отъ празности и покоя и бездѣлья, и не такъ какъ прежде сего любятъ бѣдства и воздержаніе, которое есть растлѣніе воинскаго состоянія, почему и потребно отъ царскаго промысла, чтобы казаки опять получили прежнюю свою воинскую славу“¹⁾.

Во второй своей грамотѣ, Досиеей даетъ царю совѣтъ, какъ можно сильнѣе укрѣпить взятый у турокъ Азовъ. „Турки, пишетъ Досиеей, по завѣщанію лжепророка еще бы могли и весь миръ единожды присвоили бы и всѣхъ христіанъ, не подчиняющихся имъ, во единъ и той же самый часъ побити бы. Немогуще же сіе сотворити согласуются къ миру, сильны же паки будучи, презираютъ клятвы и договоры, якоже нынѣ, за еже душѣ разсѣдаться имъ, якоже речеса, умирился со всѣми воюющими съ ними, однакоже надѣются, еще сильны будутъ, паки со всѣми воеватися. Сего ради тѣ города и Азовъ, который паче надежды державное и святое твое царствіе притяжалъ и построилъ, да не оставь, еже украшати его и укрѣпляти не токмо стѣнами и каланчами и пушками, но и много паче жительствомъ многихъ добрыхъ

1) Прилож. № 4.

людей и воиновъ изрядныхъ. Глаголю же изрядныхъ и дѣльныхъ, а не лѣнныихъ, и да будетъ образецъ Теопомбъ, который въ нѣкоторомъ городѣ показующаго стѣну ему и вопрошающу, аще крѣпка есть и высока, рече: добра убо, аще нѣсть женска, разумѣя воиновъ непригодность. И Помпей, диктаторъ греческій, глаголаше: не подобаетъ бояться тучныхъ солдатъ, но тощавыхъ и блѣдныхъ, наученныхъ знаменуя воиновъ. Сего ради Агисилай, царь македонскій, съ небольшими еллина ниспровергъ многія тмы перскія въ Малой Азіи и продавая пойманныхъ живыхъ во Ефесѣ, повелѣлъ продавать ихъ нагихъ. Персидскимъ же тѣлесамъ, бѣлымъ и нѣжнымъ ради тучнопитательства сущимъ, посмѣевались еллина, яко непотребнымъ сущимъ и ничего нестоящимъ. Подобаетъ убо вамъ обучати воины, понеже неточію подобаетъ быти начальнику начальственну, но и подручныхъ подобаетъ обучати, еже бы трудолюбнымъ быти и покорнымъ. Аще убо сицевыми державное и святое твое царствіе населиши Азовъ и сущіе окрестъ его грады и крѣпости, стѣну адамантову построити великому вашему царствію, и всѣ сосѣди непріатели никогда дерзнуть брань происходатайствовать, или какое досажденіе показати. Господь же Богъ просвѣтитъ вашу святую и Богомъ почтенную державу, да паки пошлетъ посла (въ Турцію) разумнаго и искусство имущаго въ дѣлахъ, яко да бывшіе договоры любовные сохранятся непоручны, и ежели что иное завѣщеваете, ваша Богомъ вѣнчанная держава, возможетъ подвизатися, исправитися и еже здѣ славу вашего святого и великаго и богомудраго царствія сохранить же и возрастити“¹⁾.

Въ третьей грамотѣ къ государю Досиеей снова говоритъ объ Азовѣ, но уже не какъ о крѣпости, а какъ о торговомъ и промышленномъ центрѣ, и съ этой стороны предлагаетъ царю совѣтъ, какъ лучше устроить Азовъ „Тишайшество ваше, пишетъ Досиеей, взявъ Азовъ и прочіе около его города, кромѣ всякаго чаянія: сего ради подобаетъ, дабы и почтилъ его, чтобъ учинилась пристань славная всѣхъ торговыхъ промысловъ, которые могутъ быть, буде изволишь

1) Прилож. № 5.

указать, чтобъ нѣкоторое время не брали пошлину; а если и будутъ брать пошлину, чтобъ была она малая, противъ Москвы въ половину. Отъ сего двѣ вещи родятся нужныя: первое, яко пойдутъ тамо (т. е. въ Азовъ) многіе торговые люди съ разными товарами, а сосѣдніе народы прійдутъ для купли и продажи, и будетъ прибыль царской казнѣ и умножится народонаселеніе, и чрезъ сожитіе съ иностранцами знакомства тамошнихъ жителей умножится и честь града того. Второе, сколько грековъ идетъ чрезъ польскую землю, чаемъ, что тогда пойдутъ чрезъ Азовъ, а также и язычнныи люди—иноземцы, слыша умаленіе пошлины, прійдутъ и пойдутъ всѣ чрезъ ту страну, и будетъ отъ этаго прибыль государству. И хотя и покажется мала пошлина, однакоже зѣло прибыльная, и понеже люди учнутъ ходити туда и сюда во множествѣ, особенно когда устроится дорога, которая пойдетъ къ богоспасаемому граду Москвѣ, тогда будетъ великая пристань въ Азовѣ торговая, и едва не всѣ протори служивыхъ тѣхъ, которые живутъ въ Азовѣ, отъ той изберутся, понеже есть многіе товары, которыя здѣсь пригодятся, да и покупаютъ ихъ иноземцы—французы, каковы: кожи, поташъ шерсть и иныхъ множество. Третіе, что и тамошніе жители отъ тѣхъ торговъ разбогатѣютъ, и такъ будетъ градъ славный и укрѣпится, и наконецъ учинится честь святому и великому вашему царствію во всей вселенной“. Затѣмъ Досиѳей указываетъ царю на то обстоятельство, что турки въ настоящее время сильно увеличили поголовную подать, платимую имъ всѣми христіанами, и берутъ ея даже съ шестилѣтнихъ дѣтей, хотя законъ ихъ и велитъ брать подати начиная только съ четырнадцатилѣтнихъ. Такъ они поступаютъ въ тѣхъ видахъ: если кто не имѣетъ чѣмъ заплатить подать, пусть обсурманится, „зане законъ его, ложнаго ихъ пророка, есть, дабы погодно платили или дань, или обосурманились, или смерть, и для той дани многіе терпятъ и сидятъ многіе годы и живутъ въ темницахъ и умираютъ отъ тѣхъ нуждъ, а которые не могутъ,—обосурманиваются и избавляются“. Въ виду этаго Досиѳей пишетъ царю: „нынѣ, когда Богъ святой далъ вамъ Азовъ подъ власть вашу, молимъ васъ, чтобы изволили указать, дабы которые греки

приходятъ въ Азовъ, или въ тѣ города и мѣста, что около Азова, и хотятъ селиться тамъ, дабы они никакую дань не платили, но жили бы вольныя и свободныя. Какъ услышатъ убогіе греки, то многіе изъ нихъ отъ Чернаго моря и отъ иныхъ странъ стануть приходить туда и жить тамъ, и отъ нихъ будетъ великая мзда и великая честь и слава святому вашему царствію. А при семъ дабы учинили указъ, что когда сберутся многіе греки, чтобъ имѣли волю строить церковь греческую, дабы чли по гречески, понеже аще и единъ есть Господь и едино крещеніе и едина вѣра, однакоже чтобъ всякій (ученіе) вѣры слышалъ своимъ языкомъ и сіе есть причина спасенія“. Послѣ этаго Досиѳей совѣтуетъ царю относиться къ подданнымъ своимъ мусульманамъ точно такъ же, какъ турки относятся къ подданнымъ своимъ христіанамъ, т. е. совѣтуетъ обложить мусульманъ поголовною податью въ тѣхъ размѣрахъ, какую платятъ христіане туркамъ, „и когда неимѣетъ чѣмъ платити, тогда чтобъ учинился христіанинъ, и буде такой учинится худой христіанинъ, однакоже сынъ его добрый христіанинъ будетъ“. Далѣе Досиѳей замѣчаетъ: „слышимъ, что въ той странѣ (т. е. Россіи) христіане не ядятъ хлѣбъ бусурмановъ, ниже живутъ въ домахъ ихъ,—и для чего не ѣсти того хлѣба, который благословляется знаменіемъ честнаго креста и бываетъ благословенный? Надобно вмѣстѣ жить съ ними, чтобы понудить ихъ стать христіанами“. Въ заключеніе Досиѳей совѣтуетъ государю поставить въ Азовъ митрополита, а въ сосѣдніе города подчиненныхъ ему епископовъ¹⁾.

Такъ поучаль патріархъ Досиѳей государя Петра Алексѣевича какъ ему слѣдуетъ поставить себя относительно казаковъ, какими средствами слѣдуетъ ему крѣпче привязать ихъ къ себѣ, съ помощію какихъ средствъ надлежитъ ему поддерживать въ казакахъ старый ихъ воинскій духъ, столь страшный для татаръ и турокъ, какъ внимательно нужно ему заботиться, чтобы войско его было хорошо обучено, обладало всѣми лучшими боевыми качествами и постоянно

¹⁾ Прилож. № 6.

готово было сразиться со всякимъ непріятелемъ, такъ какъ не слѣдуетъ полагаться на заключенный миръ съ турками, которые разорвутъ его при первомъ удобномъ для нихъ случаѣ, а всѣ бывшіе царскіе союзники ненадежны и скорѣе враги, чѣмъ друзья царя. Поучаль онъ царя и тому, какъ ему слѣдуетъ распорядиться съ отнятымъ у турокъ Азовомъ: царь долженъ сдѣлать изъ Азова, съ одной стороны, перво-классную крѣпость, снабженную сильнымъ хорошо обученнымъ гарнизономъ, такъ чтобы Азовъ внушалъ страхъ и уваженіе своимъ сосѣдямъ, отнялъ у нихъ всякую охоту нападать на него; съ другой стороны Досиѳей совѣтуетъ государю сдѣлать изъ Азова торговый и промышленный центръ, привлечь въ него, съ помощію разныхъ льготъ и устройства хорошей дороги отъ Азова до Москвы, торговых и промышленныхъ людей изъ разныхъ странъ, сдѣлавъ его отпускнымъ портомъ для русскихъ товаровъ и передаточнымъ пунктомъ для заграничныхъ товаровъ, идущихъ черезъ Черное море.

Въ томъ же 1700 году въ октябрѣ Досиѳей прислалъ государю съ племянникомъ своимъ архимандритомъ Хрисанѳомъ грамоту, въ которой между прочимъ сообщаетъ слѣдующія политическія вѣсти: „здѣсь никакой новости, достойной слуха, нынѣ нѣтъ. Посоль нѣмецкій выѣхалъ отсель сентября 30-го безъ великаго выѣзда, но просто съ своими людьми и караульными своими, какъ выѣхалъ и господиנדумный дьякъ Емельянъ. Посоль (нѣмецкій) ничего лишняго неучинилъ, только съ великими трудами совершилъ то, что договорился въ Карловичѣ. На отъѣздѣ предложилъ многіе запросы отъ себя, однако ничего ему не позволили, кромѣ одного только дѣла: что-бы обновилась церковь римская въ Галатѣ. Просилъ весьма прилежно, чтобъ обновили на имя цесаря указъ, какой имѣли французы о св. мѣстахъ, но никакимъ образомъ непослушали его, а отвѣчали ему: что по правдѣ доведется держать ихъ (св. мѣста) грекамъ и о томъ будетъ разсмотрѣніе въ иное время, однако де вамъ не доведется держать ихъ, и ниже сперва, ниже послѣ просить чужое.—О французскомъ королѣ и прежде писали и опять пишемъ, что онъ посылалъ грамоты сюда и просилъ

трехъ предметовъ: первое, чтобы данъ былъ указъ ему строить въ Хиссѣ островѣ всѣ костелы римскіе, которые раззорились, когда взяли турки Хіосъ отъ венеціанъ; второе, чтобы строить сводъ св. Гроба; третье, чтобы обновили указы о св. мѣстахъ касательно ихъ обладанія французами. Но однако здѣшніе никакого отвѣта ему не дали и съ того времени никто отъ короля не приходилъ сюда ниже торговый ниже (военный) корабль.—Случилось еще двѣ вещи: а) посоль (французскій) на подворьи своемъ въ Галатѣ поставилъ на высокомъ мѣстѣ изваяніе короля французскаго, а здѣсь сказали султану, что это крестъ; султанъ повелѣлъ снять съ того мѣста статую, но посоль не захотѣлъ и потому султанъ послалъ множество служивыхъ, чтобы низвергнуть. Тогда французы затворили ворота и едва не учинился бой. Визирь услышавъ, что это не крестъ, а статуя, утолилъ ссору. б) Въ Іерусалимѣ франкскіе старцы всѣ суть гишпанцы; французскій король, гордости ради, посылалъ консула своего жить тамъ съ великимъ киченіемъ, отчего возстали жители іерусалимскіе и поселяне въ числѣ многихъ тысячъ съ оружіемъ и выгнали его оттуда, потомъ прислали всѣ въ Царьградъ челобитную, что всѣ готовы умереть, но не примутъ консула въ Іерусалимѣ. Такія противности между здѣшними и французами. — Венеціане дѣла свои еще не кончили, ибо и рубежи еще не намѣчены въ Сагузѣ, и того ради и Левантъ еще не опорожненъ и никакое еще дѣло не совершилось, почему посоль ихъ будетъ ожидать здѣсь даже до пришествія свѣтлой Пасхи. — На поклонниковъ, которые хотѣли идти изъ Домаска въ Мекку, напали дорогою арабы, ограбили ихъ и убили многія тысячи людей и взяли женъ ихъ. Такое дѣло никогда до нынѣ не бывало... Здѣсь въ нынѣшнемъ времени тишина, ниже слово, ниже образъ, ниже дѣло, ниже знакъ — есть какой войны. Сверхъ прежнихъ караблей еще два строили лишнихъ, одинъ — 43 аршина, а другой—44, а иное ничего (т. е. ничего больше нѣтъ)¹⁾. Когда Досиѳей написалъ государю эту грамоту, до него дошла вѣсть, что царь началъ войну со шведами, что произ-

¹⁾ Прилож. № 7.

вело на Досиеея очень неприятное впечатлѣніе. Къ гетману Мазепѣ, который долженъ былъ переслать его грамоты къ государю, онъ пишетъ: „послѣ написанія сихъ (т. е. къ государю) грамотъ, внезапно пришла къ намъ вѣсть отъ ясновельможнаго государя унговлатійскаго, что непобѣдимый и великій царь нашъ наступилъ войною на шведовъ. Дѣло сіе насъ весьма опечалило, ибо если великое его царствіе имѣло намѣреніе не оставлять оружія, легче было бы ему въ нынѣшнія времена воевать турковъ, и большая ему была бы слава и честь, нежели воевать иныхъ“¹⁾. Понятно почему вѣсть о начавшейся войнѣ Россіи со Швеціей, сильно опечалила Досиеея: онъ хотѣлъ чтобы Россія не растратовала свои силы на войны съ другими народами, но сберегала ихъ исключительно для нанесенія рѣшительнаго удара слабѣющей Турціи; не даромъ, конечно, Досиеей писалъ царю: „ты уже въ Азовѣ, о пресвѣтлѣйшій, что для турокъ есть тоже, какъ будто ты присутствовалъ въ Константинополѣ; трепещутъ и боятся непобѣдимыя твоя силы, и разумъ и мужество великаго твоего царствія познали и опасаются, какъ никого иного не боялись“. Россіи, по мнѣнію Досиеея, послѣ взятія Азова, стоило сдѣлать одно только усиліе, чтобы появиться въ Константинополѣ, а она вмѣсто этого затѣваетъ войну со Швеціей. Однако это нисколько не охладило преданности Досиеея интересамъ Россіи и готовности его всячески служить ей, тѣмъ болѣе, что самъ государь въ своихъ письмахъ Досиеею, не разъ просилъ его писать ему, государю „о дѣлахъ тамо (въ Турціи) случающихся“. И Досиеей дѣйствительно не переставалъ извѣщать государя или его канцлера „о всѣхъ дѣлахъ случающихся“, о которыхъ онъ только зналъ. 29 января 1702 года Досиеей пишетъ канцлеру и боярину Ѳедору Алексѣевичу Головину: „вѣдомости сихъ странъ въ нынѣшнемъ времени таковы суть: султанъ турскій во всю зиму, даже до ромазана или поста своего, гулялъ на ловляхъ между Царегородомъ и Адрианополемъ, а нынѣ пребываетъ въ Адрианополѣ. Изъ Царяграда пишутъ и человекъ, который туда

былъ посланъ нарочно, извѣщаетъ и всѣ подлинно говорятъ, что съ великимъ радѣніемъ готовятъ флотъ морской, и не только старыя суда починили, но и многія вновь прибавили и безпрестанно прибавляютъ и съ такою скоростію, что никогда такое дѣло не совершалось такъ прежде, да и никакой плотникъ корабельный не остался, котораго бы они не взяли для работы сего флота. Человекъ, который посланъ былъ за такими мастерами, возвратился безъ всякаго дѣла, потому что всѣ мастера поиманно у нихъ записаны и невозможно, чтобы не были всѣ на лицо, однакоже по времени паки Богъ помощникомъ будетъ. А какое ихъ намѣреніе и что съ тѣмъ караваномъ дѣлать, еще никто не можетъ знать, хотя большая часть и говорятъ, что хотятъ наступить на Морею, однако не извѣстно, только то истинно, что караванъ сей править будетъ ходъ свой къ острову Еврипосъ (на Бѣломъ морѣ близъ Мореи) или Негропонтъ и тогда явно будетъ ихъ намѣреніе. Однако такъ ли будетъ или не такъ, о томъ время объявитъ, тѣмъ болѣе что посоль венеційскій въ Царьградѣ всѣ сии дѣла самъ видитъ и слышитъ и думаемъ, что онъ не спитъ. Сверхъ того извѣщаемъ, что посланъ Капиджи-баши еще около праздниковъ св. Димитрія и начавъ отъ самаго устья Дуная тамо, гдѣ онъ впадаетъ въ Черное море, прошелъ весь берегъ дунайскій и осматривалъ всѣ города, даже до Бѣлграда, также оружія и людей ихъ и прочее, что надобно къ оборонѣ ихъ. Сверхъ того привезли многія пушки и раздѣлили по крѣпостямъ, гдѣ не было ихъ довольно для обороны. Сей Капиджи-баши, будучи знакомецъ господарю нашему, возвратясь, пріѣхалъ сюда, и самъ о всемъ объявилъ изустно. — Отъ страны италійскія слышимъ: папа римскій избралъ достойныхъ людей и послалъ ихъ послами, одного къ цесарю, другаго къ королю французскому, а третьяго въ Испанію съ такою цѣлью, чтобы они домогались всѣми мѣрами привести ихъ къ дружбѣ и миру въ сеорахъ, которыя между ними возникли. — А о шведахъ, такъ какъ они ближе къ вамъ, вы вѣдаете лучше и вѣрнѣ насъ, однако для того, чтобы разустили, соглашаются ли дѣла со слухомъ, который здѣсь слышится, о нѣкоторыхъ дѣлахъ объявляю: здѣсь говорятъ большіе люди,

¹⁾ Греч. дѣла 1700 г. № 1.

что Сапега, видя короля шведскаго будто побѣдителемъ, притекъ подъ защиту его, и такимъ образомъ пришли шведскія войска въ Курляндію и въ Самоцію и въ страны литовскія, учиня великія грабежи и многія тамъ убытки, а наипаче въ мѣстности непріятели Сапеги. Нынѣ пришла къ намъ и сія вѣдомость, что завладѣли они (шведы) и Вильною, которая есть столица литовская; и дѣла сіи приводятъ многихъ въ недоумѣніе: какъ могла такая малая сила шведская одолѣть столько мѣстъ и распространиться?—Есть вѣдомость изъ Вѣны, что царское величество хочетъ вступить въ брачное родство съ цесаремъ, однако кто дастъ или возьметъ изъ нихъ — еще неизвѣстно. Однако дай Боже, чтобы сіе дѣло совершилось добрымъ концомъ.—Пишутъ нѣкоторые изъ Царяграда, что послѣ отъѣзда князя Дмитрія Голицына, тотчасъ султанъ турецкій послалъ съ таковымъ строгимъ указомъ въ Керчь и во всѣ украины, чтобы никто не смѣлъ ни съ большимъ судномъ ни съ малымъ ходить къ Азову, а кто будетъ ослушникомъ, тому смертная казнь, — истинно ли сіе, лучше у васъ можетъ быть извѣстно... Пришла и иная вѣдомость, что король польскій послалъ было прежде сего посланника къ хану крымскому, прося у него помощи — полтора ста тысячъ татаръ, и обѣщая имъ дать все, что имъ надобно на пути, а какъ придутъ въ землю враговъ его, все будетъ ихъ и что ни същутъ, пусть грабятъ. Какой конецъ будетъ, если Богъ благоволитъ намъ даровать здравіе, то, усмотрѣвъ удобное время, будемъ къ вамъ писать противъ силы моей ¹⁾“. Отъ 2 іюня 1702 года Досиеей пишетъ государю, что двѣ царскія грамоты онъ получилъ и долго не писалъ государю ради двухъ причинъ: „первая, что внезапно въ болѣзнь впалъ едва не смертную и былъ какъ бы безъ ума и едва Божіею милостию нынѣ, въ маѣ, нѣсколько лучше себя чувствую. Другая же причина, что ничего нужнаго не имѣлось сказать и нынѣ не имѣемъ: владѣющіе надъ нами въ тихости пребываютъ, намѣренія войны не имѣютъ, ибо начальники многихъ ради винъ всякое воинское движеніе ненавидятъ и гнушаются

¹⁾ Греч. дѣла 1702 г. № 1.

имъ. Однако начальствующій скиеами, изъ таврискаго острова, писалъ въ послѣднихъ числахъ марта, къ портѣ, что москвитяне намѣрены воевать, ибо столько караблей спустили на море донское, почему приказали въ Константинополь и въ иныхъ мѣстахъ сдѣлать тринадцать галіоновъ не великихъ и изготовить двадцать семь, которыя уже существуютъ и инныя суда, чтобы могли до будущаго года имѣть въ готовности сорокъ галіоновъ великихъ и малыхъ, двадцать четыре каторги и пятьдесятъ баркасовъ, и чтобы имъ начать собирать двадцать тысячъ молодцовъ. Султанское сіе повелѣніе прочтено въ Константинополь всенародно и начались приготовления; но когда притекли священныя грамоты вашего величества и узнали, что пріѣзжаетъ посоль, то что начало дѣлаться, — дѣлается, однако скиеона начальствующаго слово лживымъ явилось. Наипаче писалъ онъ и то, что казаки запорожскіе ищутъ соединиться съ нимъ, но ему писали отъ порты удаляться отъ такихъ дѣлъ и взирать на свое, ибо зло постраждетъ, ежели дерзнетъ на такія начинанія. Въ нынѣшнемъ году посылаютъ нѣкоторыя суда на Черное море, не для того, что имѣютъ намѣреніе войны, но ради охраненія по обычаю, а нѣкоторые говорятъ, что приготовленіемъ столькихъ кораблей намѣреваются воевать венетовъ и отнять у нихъ Целопонисъ. Однако то истинно, что не имѣютъ намѣренія кого-либо воевать, только слыша о корабляхъ и приготовленіи въ Азовѣ, видя и въ Италиі великую войну между германцами и французами, сами находятъ въ подозрѣніи и готовятъ, чтобы имъ предупредить, если гдѣ либо случилось какое смущеніе. Въ настоящее время ничего больше не обрѣтается здѣсь и если случится развѣдать что либо яснѣе, пошлемъ человѣка къ честнымъ стопамъ вашего тишайшества ¹⁾“. Въмѣстѣ съ грамотою къ государю Досиеей прислалъ письмо и къ боярину Головину, въ которомъ между прочимъ пишетъ: „писанія, которыя посылаются къ божественному величеству, да не списываются въ Приказѣ, но въ нѣкоемъ мѣстѣ таинственшемъ, зане пришелъ сюда одинъ монахъ, давшій нѣсколько

¹⁾ Прилож. № 8.

денегъ и воспріавшіи списки отъ нашихъ писемъ, и когда пришли въ Константинополь и узнали объ этомъ, то много сотворили оживенія, чтобы взять ихъ у него, хотя и не знаемъ, есть ли у него списки и держитъ ли ихъ еще у себя и бѣдствуемъ мы всѣ ¹⁾“.

31 августа 1703 года Досиоей пишетъ государю: „а что учинилось здѣсь въ туркахъ т. е. великія мятежи, которые произошли у нихъ: низверженіе прежняго султана и постановленіе брата его на султанскій престоль, побѣгъ визиря, который учинилъ миръ, и иныхъ многихъ изъ знатныхъ и прочее, все доносятъ общіе друзья. Мы только одно говоримъ, что находясь здѣсь по среди такого мятежа, всякій день умираемъ, ибо турецкое войско, имѣя вольность, не только всякій день, но и всякій часъ чинить угодное очамъ, и Богъ только печется о насъ и о протчихъ братіяхъ христіанахъ, чтобъ не впасть намъ въ какую бѣду. Посоль царствія твоего обрѣтается здѣсь безъ страха, поелику даны ему янычаре и иные многіе люди, чтобы онъ неопосался ничего. И имѣютъ намѣреніе идти въ Царьгородъ съ новымъ султаномъ, а Богъ да устроитъ что полезнѣе для рода христіанскаго“ ²⁾.

20 июня 1704 года Досиоей въ грамотѣ пишетъ государю, что два мѣсяца назадъ татары сообщили было въ Константинополь, будто москвитяне имѣютъ намѣреніе воевать съ ними, чему турки повѣрили и смутились, но скоро увидали, что то была ложь и вымыслы татарскія и увѣрились что Россія воевать съ ними не будетъ. Между царемъ и ракоціанами идетъ борьба, и хотя турки сочувствуютъ ракоціанамъ, однако нерѣшаются помочь имъ по двумъ причинамъ: „первая потому, дабы преодолѣлъ цесарь и выгналъ изъ Испаніи короля французскаго, ибо о счастіи французовъ, которымъ они друзья только по наружности, турки и слышать не хотятъ, опасаясь, что если возвеличится король французскій, то не будетъ спокоенъ, а всегда будетъ причинять имъ озлабленія и доуки. Другая причина

та, что боятся турки, дабы не началась война съ цесаремъ, а потомъ ожесточится и ваше величество на нихъ, что для нихъ есть совершенная напасть, отъ чего и нехотятъ жить въ тишинѣ. Однако, буде увидятъ, что король французскій пребываетъ въ Испаніи, что имъ дѣлать, какъ не молчать пока не узнаютъ, какъ будетъ дѣйствовать ваше величество, а наипаче: если будетъ подозрѣніе, что ваша держава имѣетъ придти на нихъ, то ни съ какимъ инымъ игемономъ христіанскимъ не будутъ начинать войны; однако то несомнѣнно, что не останутся въ тишинѣ, но какимъ бы то ни было образомъ, или моремъ или сухимъ путемъ будутъ чинить походъ на васъ. Оттого нынѣ тайно созываютъ въ Царьградъ отовсюду военачальниковъ и разныхъ начальниковъ войсковыхъ, приказывая имъ, чтобъ всякъ имѣлъ людей своихъ готовыми и когда имъ повѣстятъ, чтобъ все уже готово было. Припасаютъ пушки, гранаты, мѣхи, торбы, веревки и прочее потребное для завоеванія городовъ. Притворяются предъ всѣми, что будто то дѣлаютъ для иныхъ причинъ, но намѣреніе ихъ сіе, а не иное. Починиваютъ крѣпости Кафы и окрестности ея, строятъ у Керчи крѣпости, на пристаняхъ Чернаго моря готовятъ деревья для фрегатовъ. О городѣ, что ваше величество соорилъ противъ запорога, сперва говорили и писали иное, а нынѣ сказали лестно господину Петру Андреевичу, что городъ тотъ, поелику учинились многія протори, раззорить невозможно и пусть онъ пребываетъ, только бы и имъ построить на Днѣпрѣ городъ противъ Очакова. И поелику въ договорѣ есть, чтобы отъ Тагана крѣпости даже до Очакова городу не быть, стараются васъ обмануть, какъ бы взять позволеніе строить имъ, и буде увидятъ нужду какую, то построятъ и безъ позволенія, потому что имѣютъ намѣреніе строить на нѣкоемъ островѣ на Днѣпрѣ, для обереганія обѣихъ сторонъ, чтобы не проходили суда казацкія ни малыя, ни великія. Но поелику и въ грузинской землѣ есть пристани великія и добрыя, и христіане богобоязливые и славные, и турки подозрѣваютъ, что великое твое царствіе, наступивъ на нихъ, будетъ имѣть великую помощь отъ грузинцевъ, и суда ваши будутъ имѣть пристани къ упокоенію; то ради сего послали,

¹⁾ Греч. дѣла 1702 г. № 1.

²⁾ Прилож. № 9.

подъ видомъ другихъ причинъ, и обрушили многія досто-
славныя монастыри и церкви ихъ, плѣнивъ многіе грады и
особливо множество душъ христіанскихъ. Они поставили и
городъ на большой пристани, которая называется Батона,
и иныя суть многія приготвленія, о которыхъ подробно
писать невозможно, а наипаче буде война, какую имѣеть
твоя держава съ Шведами, неутолится. Скажемъ явственнѣе:
турки теперъ имѣють подозрѣніе, что примирившись съ шве-
дами, вы будете воевать съ ними, а если ихъ посоль (ко-
торый въ то время былъ въ Москкѣ) возвратится безъ того,
чего ищутъ, то же будутъ имѣть не подозрѣніе, а увѣрен-
ность въ неизбѣжности войны послѣ мира, который учинить
святое твое царствіе съ шведами, и тогда они не будутъ
въ тишинѣ, а будутъ, пока вы воюете съ шведами, промы-
шлять войну на васъ, имѣя великую надежду преодолѣть.
Чають, что твоя держава препинается отъ шведовъ и отъ
самихъ навѣтниковъ и двуличныхъ поляковъ, а наипаче
что король французскій, чрезъ посла своего и чрезъ турокъ
весьма ихъ обнадеживаетъ и научаетъ наступить войною
на великое твое царствіе. Еще увѣряетъ король французскій
турковъ, что шведы и поляки будутъ всегда супостатами
твоего величества, и сверхъ того обѣщается туркамъ, что
и порукою онъ будетъ, только хотя бы часомъ прежде учи-
нили они какой походъ на васъ, потому что поляки и шведы
всегда будутъ недремлющими и неутомимыми врагами вамъ,
И поелику требуютъ турки, чтобы разорить новые города,
которые построило ваше величество, и сжечь корабли, и
явно, что ваше великое царствіе не сдѣлаетъ того, то изъ
всего явствуетъ что послѣдуетъ война“¹⁾. Отъ 5 сентября
тогоже 1704 года изъ Яссъ Досиеей между прочимъ писалъ
государю: „господинъ Александръ, переводчикъ султанскій,
говорилъ было, чтобы пріѣзжалъ иной посоль съ Москвы, какъ
французскіе послы проѣзжаютъ чрезъ каждые три года новые,
а старый жилъ бы еще здѣсь два три мѣсяца, какъ дѣла-
ють и французы, и потомъ бы отъѣзжалъ въ Москву, и
если бы такъ было, то здѣшніе вмѣняли бы за подлинный
миръ и многихъ подозрѣній у нихъ не было“. 10 октября

1) Прилож. № 10.

того же года Досиеей совѣтуетъ государю въ грамотѣ учи-
нить одно изъ двухъ: или смирить шведовъ и укрѣпить на
польскомъ престолѣ саксонскаго, или заключить съ шведами
миръ и укрѣпить въ польшѣ саксонскаго. „Я прежде сего
писалъ, заявляетъ далѣе Досиеей, къ благородію твоему,
чтобъ не печалился, что умирають воины, если это полезно,
а наипаче когда время позоветъ, потому что много разъ
ничто ставя время, трудно въ другой разъ дожидаться удоб-
наго момента. Господинъ Димитрій (кн. Голицинъ) нынѣ какъ
пришелъ въ Польшу, слѣдовало ему ударить со своими на
шведа, и хотя бы не учинилъ и побѣды великой, однакожъ
умалаясь бы сила шведская, такъ какъ хотя бы москвитяне
и казаки и были побиты, на ихъ мѣсто пришли бы иные,
а если бы убиты были шведы, стало бы ихъ меньше, тѣмъ
болѣе, какъ нынѣ слышимъ, подъ Львовомъ ихъ было не
много. Дѣла саксонскаго не покажутся храбрыми, потому
что хитростію ищетъ побѣды безъ трудовъ, а между тѣмъ
воинскія дѣла требуютъ не только хитрости, но и дѣла,
понеже Аристотель пишетъ въ нравоучительной своей фило-
софіи, что добродѣтель не въ томъ состоитъ, что вѣдати,
а въ томъ, что дѣлати. Богомъ утвержденный мой! что жалѣ-
ешь казаковъ, буде умрутъ? за не, буде умрутъ, есть
мученики. Во Львовѣ была одна горсть шведовъ, и казаки
могли бы поглотить ихъ живыхъ. Воинское дѣло нѣсть для
какого упрямства, но для православія, и безъ бѣдства какъ
можетъ получить конецъ, который ему доведется? Есть и
стыдъ отъ людей, что вышли столько тысячъ казаковъ съ
гетманомъ своимъ, и обратятся назадъ безъ дѣла. А есть
и иное: когда воюють, сколько живы останутся, научаются
воинскому дѣлу, а какъ сидятъ такъ и ня воюють, во время
нужды ни къ чему не годы. А буде есть такіе люди, которые
чають, что исправленіе воинское дѣлается безъ бѣды, безъ
труда, безъ смерти, они бы сдѣлали себѣ по камилавкѣ, и
пошли бы жить въ монастырь и четки свои перевертывали бы“.
Отъ 13 октября Досиеей снова доносилъ государю о произ-
шествіяхъ турецкихъ и между прочимъ писалъ: „королю
французскому родился внукъ и хотѣлъ посоль его въ Царь-
градъ учинить радость по обычаю своему, и просилъ поз-

воленія отъ прежняго визиря и тотъ позволилъ ему, а новый визирь запретилъ, но посоль преслушавъ, сдѣлалъ. Посему послалъ визирь бастанжи башу ночью, и онъ разбилъ всѣ лампы и причинилъ послу великій стыдъ“.

На эти грамоты Досиеея ему отвѣчали въ томъ же году отъ 27 сентября бояринъ Головинъ, а въ ноябрѣ и самъ государь. Головинъ пишетъ Досиею: „по неотложной моей къ блаженству твоему должности и работѣнному благоговѣнію разсудихъ, во объявленіе къ вамъ благоговѣнія моего, симъ писаніемъ отдать блаженству вашему работѣнное и земное поклоненіе, моля Вышняго, дабы сохранилъ васъ на пользу всего православнаго жительства зѣло здраво и благоденствующе отъ всякаго противнаго случая. Увѣдали есмь крайнее попеченіе и радѣніе, которое имѣеть блаженство ваше о дѣлахъ державнѣйшаго самодержца, государя моего милостивѣйшаго, толико отъ окончанія дѣлъ, елико изъ доношеній посла нашего, что подавая совѣты и наученія въ дѣлахъ царскаго священнаго величества, наставляеть и научаетъ его отечески, якоже и самъ онъ пишетъ, пребывая благодаренъ наученіями и совѣты блаженства вашего, и то я, по рабской моей должности, тотчасъ донесъ пресвѣтлѣйшему моему самодержцу, что спознавъ, его величество порадовался немало, и воздастъ всякими своими царскими, Богу изволившу, пришедъ къ Москвѣ, благодареніи блаженству вашему. Подобательно и впредь желаетъ величество его, дабы попеченіе имѣлъ блаженство ваше о дѣлахъ его величества какъ прежде такъ и нынѣ, и посла его наставлялъ, о чемъ онъ спроситъ ваше блаженство.... Здѣсь благодатію и помощію Божіею имѣемъ надъ непріателемъ частыя побѣды, и, по взятіи двухъ славныхъ въ Ливоніи городовъ, а именно: Дерпта и Нарвы, еще близъ нѣкоего града, именуемаго Ревалии, побить генераль ихъ Шлиппенбахъ на голову, которой хотѣлъ итти на суккурсъ Нарвѣ.... При семъ же, яко есмь обязанъ и чадо ваше, за отеческое блаженство вашего благословеніе и письменное посѣщеніе, колѣнопреклоннѣ кланяюся, желая, дабы и впредь меня содержалъ во своей отеческой любви, яко служителя вашего усерднаго и послушнаго“. Изъ Нарвы въ ноябрѣ мѣсяцѣ писалъ Досиею и самъ

государь слѣдующее: „грамоты ваша святости, писанные къ намъ изъ Ясы и присланные чрезъ гетмана нашего, мы воспріяли въ цѣлости и выслушали оныхъ любовно“; затѣмъ просить Досиею „подобное и впредь чинити изволите, мы же никохта, яко доброму нашему о святомъ Дусѣ отцу и ревнителю православія, милостивно воспоминати присно не отрицаемся“; просить еще присылать „подлинно“ вѣсти о всемъ, что узнаеть относительно вооруженія турокъ¹⁾.

Въ январѣ 1705 года въ грамотѣ государю Досиеей сообщаетъ о слѣдующихъ турецкихъ происшествіяхъ: „новый визирь, безчеловѣчный и христіаноборець, привезъ нѣкоторыхъ изъ разныхъ мѣстъ, которые прежде были откинута какъ злонравные отъ власти, и ввелъ ихъ въ достоинства, по преимуществу въ полкахъ янычарскихъ и перемѣнилъ самаго янычаръ-агу; учинилъ и своихъ общихъ судей, которыхъ называютъ кази-аскерами. Когда визирь ѣхалъ къ султану, то ѣхалъ всегда съ великою помпою, надѣвая соболью шубу, и тѣмъ подаль подозрѣніе, что имѣеть въ виду и другихъ вельможъ замѣнить своими, чтобы, будучи визиремъ долгое время, перемѣнить потомъ и султана и поставить султаномъ малое дитя, сына дяди султана, чтобы пользуясь малолѣтствомъ султана, имѣть его въ своей волѣ и быть всегда при немъ визиремъ. Нынѣшній султанъ, подозрѣвая визиря, потребовалъ его къ себѣ и призвалъ въ свои палаты 14 декабря. Визирь поѣхалъ по обычаю съ помпою, однакожъ во дворецъ по обычаю пошелъ пѣшъ, и султанъ заключилъ его въ нѣкоей палаткѣ, потомъ тотчасъ послалъ и взялъ у него печать, и ночью, спустя по веревкѣ съ одною подушкою и съ единымъ слугою и посадя его на каторгу, послалъ. А такъ какъ та каторга по утру возвратилась назадъ, то ясно, что утопилъ его въ морѣ, а визиремъ учинилъ нѣкотораго своего стариннаго слугу, котораго визирь Хасанъ паша учинилъ было конюшимъ, а Калаились учинилъ его адмираломъ. Какъ близкаго человѣка себѣ, султанъ учинилъ его визиремъ: это человѣкъ молодой, ничтожный и весьма непотребный. Поставивъ его визиремъ, султанъ тотчасъ-же

¹⁾ Греч. дѣла 1704 л. № 1.

указаль, чтобы онъ всѣхъ сенаторовъ, чиновниковъ, янычаръ-агу, которыхъ поставилъ Калаились, выкинулъ и поставилъ бы своихъ. Визирь Калаились думаль, что удобно начать войну противъ васъ и потому началъ дѣлать нѣкоторыя приготовления. Но такъ какъ огласилось, что москвичи учинили твердый миръ съ поляками, а каторги на Черномъ морѣ, о которыхъ мы писали ранѣе, разбились, то умыслилъ, продержливецъ, что полезнѣе, того ради призвалъ господина Петра Андреева (т. е. посла Толстаго) и указаль ему, какъ о томъ честность его писалъ прежде сего къ вашей Богомъ возвеличенной державѣ. Недавно нѣкоторые прѣхавшіе отъ васъ въ Царьградъ, сказывали здѣсь и тамъ, что въ Каменецъ вошелъ Дмитрій Голицынъ съ двѣнадцатю тысячью москвы и устранился весь синклитъ, хотя не явно, но тайно. Въ виду этаго опять рѣшили войну противъ васъ, указали дѣлать телѣги и иныя приготовления для отъѣзда султанскаго въ Адрианополь, и велѣли дѣлать триста шаекъ, послали указы въ Анатолию, чтобъ готовилися войска, указали хану быть готову къ подѣзду къ странамъ казацкимъ для плѣну. Еще пришли указы сюда и въ мулянскую землю нынѣшняго декабря (т. е. 1704 г.) и велѣно накрѣпко готовить лѣсъ и иную разную потребу къ отсылкѣ въ Очаковъ и укрѣплять этотъ городъ. Прежній визирь Калаились, если узнавалъ, что у каго либо есть деньги въ Царьградѣ, то отнималъ все, а этотъ у кого возметъ? Три вещи недостаетъ нынѣ въ семь царствѣ: разума, единомыслія и денегъ¹⁾.

На эту грамоту Досиоея въ томъ же году ему отвѣчали и самъ государь и бояринъ Головинъ. Государь отъ 28 февраля, изъ Москвы, писалъ Досиоею: „Блаженнѣйшій и премудрѣйшій владыко, господине, господине Досиоее, святаго града Іерусалима и всея Палестины патріархо! Писаніе вашего блаженства, писанное въ генварѣ 1705-го году, принялъ любезно, видя въ немъ исполненно доброжеланіе намъ и православнымъ. Нынѣ жъ, по прошенію блаженства вашего, отпущенъ и Давыдъ, изволте съ нимъ учинить яко предписано, дабы возвращенъ былъ онъ же, егда время позоветъ, понеже

1) Прилож. № 11.

познали мы ево вѣрна намъ и вамъ, а прочая увѣдаете отъ иныхъ писемъ. Желаемъ, и паки тожде попеченіе имѣйте о дѣлахъ нашихъ. Присемъ да дасть Всемогущій блаженству вашему лѣта многа и спасительна.—Сый по духу сынъ вашъ Петръ“. Съ своей стороны бояринъ Головинъ отъ того же 28 февраля пишетъ Досиоею: „писанныя вашего блаженства въ Ясахъ въ генварѣ мѣсяцѣ настоящаго 1705 года и присланныя съ знаменщикомъ молдавскаго воеводы (это и есть тотъ Давыдъ, который упоминается въ письмѣ государя и который былъ посредникомъ въ это время въ сношеніяхъ между Досиоеемъ и нашимъ правительствомъ), какъ ко всемилостивѣйшему моему самодержцу, такъ и ко мнѣ письма, пріяхомъ любезно и дружески, и содержаніе ихъ совершенно и подлинно выразумѣли, наипаче и радовахомся о частыхъ перемѣнахъ язычниковъ, которое объявилъ намъ блаженство ваше. Дажь Господи и большую напасть нечестивыхъ ко освобожденію благочестивыхъ, котораго вседушно и искренно желаемъ, яко единовѣрнии и чада восточныя церкви. А за объявленіе намъ вышеимянованныхъ радовацій, вашему блаженству зѣло благодарствуемъ и оныя, когда объявлены и донесены были чрезъ мене священному и приснопочитаемому величеству, принялъ ихъ живаго гласа словеса ваша милостиво, яко же и прочія ваши совѣты настоящія же и прежде учиненныя. И паки благодарствуемъ блаженству вашему, что усовѣтывали вы, чтобъ намъ писалъ и сіятельнѣйшій молдавскій, которому и отвѣтствуемъ во знакъ и объявленіе дружбы нашея, и оную его склонность къ здѣшнимъ странамъ увѣдалъ и благочестивѣйшій нашъ самодержецъ. О Давыдѣ какъ писали мы, тако и слово утвердися се, что по совѣту вашему отпустили мы его отсюда и ѣдетъ къ вамъ, и отъ него непосредственно о всемъ (что намъ напередъ писасте) извѣститесь пространно: дажь всеблагій Боже, дабы получилъ и предварилъ блаженство ваше тамо, и пріимите отъ него и прежде объявленныя на 1000 рублей соболи, яко милость самодержцеву, понеже тако мнѣ изволилъ держава его. О грузинцахъ зѣло добрѣ расудилъ блаженство ваше, токмо молимъ Вышняго, да даруетъ вамъ вся желаемая и да свободитъ васъ отъ всѣхъ попеченій,

которыя бываютъ блаженству вашему отъ схизматиковъ“¹⁾.

Въ 1706 году отъ 16 февраля Досиеей грамотою извѣщаль государя, что онъ теперь находится въ Константинополѣ и затѣмъ пишетъ: „изъ мулянской и волоской земли писывали мы часто, а отсюда неписали мы для многихъ нужныхъ причинъ, а наипаче, что всякую нужду и всякую вѣдомость, которую доведетца отсюда знать святому твоему царствію чисто и несумнительно, какъ и прежде такъ и нынѣ, пріѣхавъ сюда, повѣщали и словомъ и писаніемъ вѣрному твоего царскаго величества рабу господину Петру Андрееву, чтобы честность его писалъ сія тайною цифрою къ богохранимому и святому твоему царствію“. Теперь же онъ самъ пишетъ государю потому, что въ Москву

1) Греч дѣла 1705 г. № 1. Уже въ грамотѣ къ государю въ 1704 году Досиеей указывалъ на то обстоятельство, что въ грузинской землѣ есть очень удобныя гавани, которыми русскіе удобно могутъ воспользоваться въ войнѣ съ турками, тѣмъ болѣе, что тамъ живутъ православные христіане „богобоязливые и сильные“, которыхъ турки подозрѣваютъ въ симпатіяхъ къ Россіи. Въ грамотѣ государю въ 1705 году Досиеей прямо указывалъ тотъ путь, слѣдуя которому русское правительство, при посредствѣ его, Досиеей, можетъ войти въ непосредственныя сношенія съ грузинцами. „О грузинцахъ, пишетъ Досиеей царю, добрый и пристойный совѣтъ есть, и мы будемъ писати туды и пошлемъ человекъ нынѣ вскорѣ по святой пасцѣ, и скажемъ и дѣйствовать будемъ, Богу благоволящу, нужная, потому что тамошніе начальники суть наши знакомцы и друзья, и имѣютъ къ намъ склонность, благоговѣніе и любовь. Однакожь сыскати тамо людей, которые-бы знали по русски, невозможно, только какъ пріидеть тотъ благословенный человекъ, тамо вельможный государь грузинскій, господинъ Арчилъ, имѣетъ многихъ, которые знаютъ по русски и мірскихъ и старцовъ, и пойдутъ вкупѣ нѣкоторые изъ нихъ переводчики, наипаче буде поѣдетъ вмѣстѣ господинъ Арчилъ, или сынъ его господинъ Александръ, имутъ утвердити большая“. Въ то же время Досиеей, какъ это видно изъ письма къ нему Головина, постарался установить болѣе близкія и интимныя отношенія между молдавскимъ господаремъ и русскимъ правительствомъ. Очевидно Досиеей, несочувственно относившійся къ войнѣ Россіи съ Швеціей, всѣми зависящими отъ него мѣрами заботился привлечь усиленное вниманіе Россіи къ Турціи, заботился усилить и укрѣпить положеніе Россіи около Чернаго моря, создать здѣсь для нея прочныя надежныя точки опоры, благодаря которымъ, хорошо предварительно подготовившись, она могла бы, въ недалекомъ будущемъ, вступить въ войну съ турками, въ увѣренности нанести имъ рѣшительный ударъ

ѣдетъ сынъ посла Толстаго Иванъ, „а что имѣли и больше нѣчто доносить, написали мы въ письмѣ къ боярину господину Феодору“. Съ Иваномъ Петровичемъ Толстымъ Досиеей прислалъ письмо и къ боярину Головину, въ которомъ между прочимъ замѣчаетъ: „мы пишемъ токмо нужнѣйшее и подлиннѣйшее всего, — что и малыя и великія, и вельможи и подданные отъ альфы и до омеги, всякъ тщится ѣсть и пить, роскошиться, хитить, заграбить, а попеченія никакого иного, и походу, или ссоръ, или войны ни есть, ни разумѣется, но всесовершенный миръ и тишина“. И еще нѣсколько писемъ писалъ Досиеей въ этомъ году къ Головину, на которыя послѣдній отвѣчалъ ему. Такъ отъ 4 іюля Головинъ пишетъ Досиеей: „настоящимъ моимъ письмомъ доношу вашему блаженству: все, что изволишь писать о благочестіи въ Польшѣ, выразумѣли и обнадеживаемъ васъ, что все то, о чемъ милостивѣйшему моему царю непосредственно, или ко мнѣ посредственно писано, вполнѣ доносимъ его величеству, не только нынѣ, но и всегда, какъ повелѣваетъ мнѣ блаженство ваше и самое дѣло требуетъ. Все сіе его величество пріемлетъ милостиво и веселымъ лицомъ, какъ наставленіе и ученіе духовное. И благодаримъ блаженство ваше, что отъ своего добраго и отеческаго произволенія изволишь припоминать полезное величеству его; просимъ и опять писать то, что находишь полезнымъ. Письма, которыя посылаются къ господину Толстому, посылаемъ чрезъ друзей къ блаженству вашему, если же случится какое дѣло нужное и не будетъ въ Москвѣ какого человекъ отъ общаго друга (т. е. молдавскаго господара, чрезъ руки котораго, въ послѣднее время, переходила вся переписка между нашимъ правительствомъ, посломъ Толстымъ и Досиеемъ), тогда по нуждѣ посылаемъ отсюда человекъ особеннаго, который отдастъ письма наша послу. Извѣстія ваши, какъ пишете о тамошнихъ владѣтеляхъ, выразумѣли и благодаримъ блаженство ваше, какъ благодѣтеля нашего...: Пишетъ намъ блаженство ваше, какъ будтобы не знали мы попеченія вашего о дѣлахъ царскихъ и совѣты ваши, которые подаете во всякомъ дѣлѣ. Извѣстились о семъ, не только отъ ны-

нѣшняго, но и отъ прежнихъ пословъ т. е. князя Голицына и господина Украинцева, которые письменно и устно здѣсь повѣдали усердіе блаженства вашего къ нимъ, да и нетребуемъ доношеній ихъ, ибо сами видимъ усердныя ваши писанія“. Съ своей стороны Досиѳей пишетъ Головину: „писаніе вашей любви пріяли мы за нѣсколько дней и благодаримъ васъ, что воспоминаете насъ. Отъ господина Давида пріяли мы четыре связки соболей и продали за 1700 левовъ, потому что на такія вещи чести нѣтъ; тотчасъ какъ привезены были сюда, отдали мы ихъ и не знаемъ еще есть ли въ годъ возьмемъ деньги. Пишемъ сіе только, чтобы знала вельможность твоя о состояніи мѣста. Здѣсь пріяли мы и нынѣ, какъ намъ вы писали, 500 левовъ, которые хотя и посылаются намъ подъ именемъ милостыни, однако издержаны бывають даже до полушки для службы великаго государя, понеже многіе посредствуютъ въ исправленіи службы и всѣ хотятъ и всѣ берутъ, а мы весьма довольны, что служимъ священному величеству за единую любовь Господа нашего Иисуса Христа, и такъ будемъ творить впредь, Богу благоволящу. Здѣсь никакихъ новизнъ нѣтъ; что было объявили мы господину Петру (Толстому), чтобы онъ писалъ, а наипаче о нѣкоторыхъ, которые къ вамъ пріѣзжаютъ и бывають предатели, — пишутъ все сюда о васъ противное“. На это письмо Досиѳея въ августѣ изъ Кіева отвѣчалъ Досиѳею уже не Головинъ, который умеръ, а его преемникъ Гавріиль Ивановичъ Головкинъ. „Честное и священное вашего блаженства писаніе, пишетъ онъ Досиѳею, къ боярину господину Головину писанное, по смерти его дошло къ намъ, въ 14 день сего мѣсяца, и по содержанию онаго имѣемъ отвѣтствовать въ иное время. О вѣдомости, что намъ пишете, донесли мы его царскому величеству, также и государева посла господина Толстаго письма въ цѣлости пріяли. Сего ради просимъ ваше блаженство, дабы и впредь какъ прежде, при господинѣ Θεодорѣ Алексѣвичѣ, и съ нами имѣли чрезъ писанія свои собесѣдованіе и несомнѣваемся, что блаженство ваше, по обычной своей ко всѣмъ отеческой склонности, соизволить на сіе непременно; мы же по возможности нашей не пренебрежемъ явить

подобающую вамъ службу нашу и знаки истиннаго послушанія нашего“. На это письмо новаго канцлера Досиѳея отвѣчалъ отъ 18 октября большимъ посланіемъ Головкину, которое въ тоже время было и послѣднимъ его посланіемъ къ русскому канцлеру. „Во время бытности здѣсь, пишетъ Досиѳей, господина Емельяна Игнатъевича вывѣдали мы отъ него о изряднѣйшихъ боярахъ благочестивѣйшія монархіи, между которыми обрѣли и сего: постельничаго Гавріила Ивановича Головкина; видѣвъ же нынѣ честной вашей любви посланіе и прочитавъ подпись: Гавріиль Головкинъ, познали мы того, котораго имѣли мы преднамѣреннымъ не только въ нашихъ памятныхъ запискахъ, но и въ душѣ нашей.... Изволить писать вельможность твоя, что на нѣкоторыя тайныя дѣла, которые писали мы къ вамъ, будете отвѣтствовать впредь; однако мы о нѣкоторыхъ церковныхъ дѣлахъ имѣемъ писать и на оныя требуемъ отвѣта, а о иныхъ тайныхъ непросимъ, чтобы непопались кому письма и будетъ бѣда, потому что мы пишемъ для увѣдомленія, а не для отвѣта и пишемъ безъ подписи; пишемъ только, чтобы разумѣли, что всѣ тайныя дѣла наши повѣщаемъ господину Петру Андрееву (Толстому) письменно, дабы вельможность его доносила вамъ цифрами и иными знаками. А буде ради нѣкоего человѣческаго любочестія не пишеть, если что извѣдываетъ отъ насъ, мы то пренебрегаемъ, ибо мы служимъ, во первыхъ, ради Бога и довольно, что знаетъ о томъ Самъ Богъ. Сіе говорю, чтобы изволило знать сиятельство ваше, что три государевы послы, которые пріѣзжали сюда, имѣли насъ наставниками и когда насъ слушали, то благоуспѣвали, а въ чемъ преслушали, — прельстились, а мы о убыткахъ умолчали и молчимъ. Сей господинъ Петръ (т. е. Толстой), какъ прибылъ въ Адриано-поль и привезъ намъ письмо государя повелительное, чтобы мы ему совѣтовали, то мы, хотя были въ мултынской землѣ, покинули службу св. Гроба и выѣхали немедля въ Адриано-поль, и въ потребныхъ великихъ и трудныхъ дѣлахъ крайнѣ пользовали ему и даже до сего часа пользуемъ, ревность имѣя по призванію самого государя, хотя бы и умереть намъ для священнаго его величества. А сколько

моленій, бдѣній бываетъ во святой матери церкви о благоденствіи и укрѣпленіи священнаго государя, сіе вѣдаетъ Богъ, къ которому взываютъ. Сіе только для увѣдомленія вашей любви.—Господинъ Петръ Андреевъ неимѣлъ здѣсь никакой вѣдомости о случившемся у васъ отъ іюля и даже до сего мѣсяца, мы же получили въ первый день сего мѣсяца списокъ писемъ, которыя пришли къ друзьямъ и честное посланіе вельможности вашей послали ему, и онъ, какъ и мы, опечалился о смерти блаженнаго памяти Θεодора (Головина), возрадовался же о возведеніи сіятельства твоего; онъ (Толстой) служитель вѣрный и добрый, возрадовался также, что увѣдалъ побѣды его величества.—Здѣсь за нѣсколько дней слышно стало, что послалъ ханъ татарскій вѣдомость, будто калмыки и астраханцы, ваши подданные, желаютъ союза съ портою и позволенія быть вашими не-пріятелями, однако люди хана крымскаго ихъ отвергнули; и хотя послѣ ходилъ господинъ Петръ къ визирю и доносилъ, что дѣло сіе будетъ причиною соблазна, однако еще до отбѣзда его къ султанскому намѣстнику, визирь и сенатъ слова хана уже отвергли.—Еще есть сорокъ дней, какъ къ намъ писалъ господинъ Петръ, будто ему сказала нѣкто Хасанъ ага, который опредѣленъ для охраненія двора его, что его, Петра, хотятъ выслать отсюда насильно; но если бъ его и испекли, не выйдеть безъ воли государевой. А мы ему совѣтывали, чтобы тому невѣрилъ и никому не-сказывалъ, а если то ему отъ порты скажутъ, тогда бы намъ объявилъ и совѣтъ дадимъ, что отвѣчать. Дѣло сіе въ такомъ порядкѣ было: какъ услышали, что ушли шведы изъ Польши и государь побѣдитель, то разсудилъ совѣтъ и просилъ визирь господина Петра, чтобы бралъ жалованье по сороку левовъ на день, ибо стыдно, что посоль государевъ, проживая здѣсь, не беретъ ничего. Прибавилъ и еще двѣ причины: первое, что если ихъ возьметъ, то будетъ знакъ любви, если же не возьметъ, то знакъ противнаго; а второе, что за три года, за которые небралъ корму, дадутъ ему именно по 40 левовъ на день. О семъ спросилъ насъ господинъ Петръ и совѣтывали мы, чтобы бралъ—для многихъ причинъ, а наипаче ради того, чтобы они были безопасны, что

не будутъ имѣть отъ васъ никакой доуки и останутся въ покоѣ. И такъ согласился братъ и тотчасъ прислали ему на два мѣсяца корму 2400 левовъ, а потомъ призвалъ его визирь въ домъ свой и почтилъ его сколько могъ, и нынѣ обѣ стороны безмятежны. Иного ничего не имѣемъ сказать, а хотя и имѣемъ дѣло малое донести вельможности твоей, однако потомъ скажемъ великому государю нѣчто нужное по времени.... Если ханъ татарскій писалъ сюда истину, что измѣняютъ подданные ваши, можете послать провѣдать и къ намъ ваше письмо, какъ и наши, пришлетъ съ любовью и безопасно мултянскій владѣтель. И такъ справедливо, когда пріѣзжаютъ къ вамъ люди его, принимаете ихъ съ великою любовію и честію, и жалуйте ихъ и довольствуйте, а на-ипаче потому, что владѣтель бѣдствуетъ отъ здѣшней власти и убыточится повсядневно, обличаемъ будучи отъ многихъ христіанъ и язычниковъ, что служитъ священному величеству, и при всемъ томъ пребываетъ на службѣ безлѣбно и понынѣ. Господина Петра письма были прежде написаны, но не былъ куріеръ, чтобы ихъ послать скоро, посему посылаемъ нынѣ господину Іоанну Мазепѣ. Просимъ увѣдомить насъ о принятіи сихъ писемъ, ибо покамѣстъ не получимъ такую вѣсть, обрѣтаемся въ опасеніи“.

Отъ 15 ноября того же 1706 года Досиѣей прислалъ грамоту и государю, въ которой заявляетъ: онъ такъ долго не писалъ государю потому, что ранѣе писалъ обо всемъ боярину Головину, а недавно сообщилъ всѣ вѣсти въ письмѣ къ боярину Гавріилу Головкину, „и нынѣ, добавляетъ Досиѣей, новаго отсюда донести неимѣемъ ничего“. Имѣетъ правда онъ въ виду написать въ будущемъ государю „многая и нужная о церковныхъ дѣлахъ“, но теперь пишетъ и проситъ государя только объ одномъ, чтобы онъ строго и рѣшительно запретилъ продавать плѣнныхъ шведовъ въ Турцію, чего никогда не дѣлаетъ ни какое другое христіанское государство; если же найдутся ослушники его повелѣнія, то они пусть подвергнутся смертной казни. Въ заключеніе грамоты Досиѣей замѣчаетъ: „мы здѣсь нетокмо имѣемъ, елико возможно намъ, попеченіе о послѣ твоего цар-

скаго величества, но и о людяхъ его, и много о томъ писать не доводитца“¹⁾.

Это была послѣдняя грамота Досиоея государю. 11 февраля 1707 года турецкій нашъ посоль, Петръ Андреевичъ Толстой, доносилъ боярину Головкину: „извѣстно вамъ чиню въ настоящемъ времени: блаженнѣйшаго іерусалимскаго патріарха киръ Досиоея не стало, а на ево мѣсто обранъ и учиненъ уже патріархомъ іерусалимскимъ племянникъ (Досиоея), кесарійскій митрополитъ Хрисанеъ²⁾. Отъ 17 марта 1707 года извѣщаль государя особою грамотою о кончинѣ Досиоея и новый іерусалимскій патріархъ Хрисанеъ, ранѣе, въ санѣ архимандрита, два раза побывавшій въ Москвѣ. Настоящая причина (сего письма) есть, пишетъ онъ: донестъ вашему высочайшему самодержавному святому величеству оное, что, якоже мню, и отъ оныхъ донесено давно царскимъ вашимъ ушесамъ (да будетъ же здравіе и долгоденствіе священнѣйшей и самодержавнѣйшей вашей главѣ), сирѣчь отъ привременныхъ въ вѣчное блаженство преставленіе истинно блаженнѣйшаго всесвятѣйшаго и премудраго патріарха св. града Іерусалима, господина, господина Досиоея, дяди моего, богомольца теплаго и раба всегдашняго и мыслію и сердцемъ и душею вашего боговѣнчаннаго царскаго величества, которое дѣло, уповаю, опечалило и благоутробнѣйшее сердце святяя вашей державы, понеже былъ оный приснопамятный въ любви и благоговѣніи божественныя вашей милости, понеже и блаженство его преклоняше колѣна его моляся къ Богу и Отцу о жизни, побѣдѣ и благоденствіи самодержавнаго вашего святаго величества, — и во время болѣзни его, даже и до послѣдняго его воздыханія, молитвы возсылалъ Господу нашему Іисусу Христу паки о здравіи и на брани побѣдѣ вашей. Почи убо о Господѣ, величайшее блаженство его, въ 7 день прошедшаго февраля мѣсяца, болѣзновавъ отъ претяжкаго катара 15 дней и погребенъ здѣсь (т. е. въ Константинополѣ) благолѣпно въ единой церкви, имянуемой св. Параскевы“³⁾.

1) Прилож. №№ 12 и 13. Греч. дѣла 1706 г. № 1.

2) Турецкія дѣла 1707 г., св. 8, № 2.

3) Греч. дѣла 1707 г. № 1.

Такимъ образомъ только смерть положила конецъ безпримѣрно ревностной службѣ патріарха Досиоея Россіи, службѣ, продолжавшейся болѣе сорока лѣтъ. У русскаго правительства не мало было на православномъ востокѣ и иныхъ лицъ, политическими услугами которыхъ оно пользовалось въ теченіи всего XVII столѣтія, но не было у него никогда другаго лица, которое бы было предано Россіи такъ энергично, безкорыстно и такъ постоянно и продолжительно, какъ патріархъ Досиоей, рисковавшій къ тому же изъ за службы русскому правительству потерять не только свое высокое положеніе въ церкви, но и самую жизнь, почему п. Досиоей представляетъ собою съ этой стороны явленіе исключительное, выходящее изъ ряда вонъ. И не даромъ, конечно, всѣ наши турецкіе послы, которые только пользовались услугами Досиоея, такіе государственные мужи, какъ канцлеры Головинъ и Головкинъ, высоко цѣнили политическія услуги Досиоея, считали его своимъ благодѣтелемъ, всегда выражали ему свое глубокое уваженіе и почтеніе; не даромъ конечно и самъ государь, Великій Петръ, имѣлъ Досиоея „паче прочихъ всѣхъ о Христѣ возлюбленнаго отца и пастыря и великодушнаго мужа“, заявлялъ, „что его блаженство прославляется паче всѣхъ иныхъ архипастырей православныхъ“; не даромъ конечно царь не разъ просилъ Досиоея совѣтовать и руководить нашими турецкими послами, а въ Москву неопустительно писать къ царю обо всемъ, что дѣлается въ Турціи. Онъ, очевидно, видѣлъ въ Досиоеѣ не только просто ревностнаго и преданнаго Россіи слугу, но и человѣка обладавшаго яснымъ и вѣрнымъ пониманіемъ современнаго положенія политическихъ дѣлъ, человѣка обладавшаго настолько крупными и замѣтными дипломатическими способностями, что русскіе послы въ Турціи поставлены были подъ высшее руководство Досиоея, къ совѣтамъ и указаніямъ котораго они обязаны были прибѣгать во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ. И не даромъ, наконецъ, Досиоей не только сообщалъ царю политическія вѣсти, но обсуждалъ ихъ и оцѣнивалъ, причемъ иногда давалъ наставленія, какъ слѣдуетъ лучше поступить въ томъ или другомъ случаѣ, дѣлалъ свои указанія и предостереженія, а царь

„съ свѣтлымъ лицомъ“, „съ любовію“ принималъ эти совѣты и указанія и только просилъ Досиѳея и впредь писать ему обо всемъ возможно чаще. Очевидно въ Москвѣ сильно дорожили тѣми вѣстями, какія сообщалъ Досиѳей и внимательно прислушивались къ его совѣтамъ и указаніямъ, очевидно голосъ Досиѳея по различнымъ вопросамъ не былъ для русскаго правительства голосомъ чужака ему чужаго и сторонняго, но голосомъ чужака очень близкаго, очень свѣдущаго въ дѣлахъ и притомъ всѣми уважаемаго и высоко цѣнимаго.

ГЛАВА VII.

Безпримѣрно ревностная и самоотверженная сороколѣтняя служба патріарха Досиѳея русскому правительству была въ тоже время, какъ мы видѣли, службою и совершенно безкорыстною, за которую онъ не требовалъ и не ждалъ для себя лично никакой матеріальной награды,—это была служба ради Бога, ради интересовъ всего православія. Но ничего не требуя для себя лично за свою службу русскому правительству, Досиѳей иногда обращался, хотя и крайне рѣдко, съ просьбами въ Москву о помощи бѣдствующей патріархіи іерусалимской, не могшей своими силами справиться съ лежащимъ на ней громаднымъ долгомъ. Такъ въ годъ своего вступленія на патріаршество, т. е. въ 1669 году, Досиѳей прислалъ въ Москву, съ архимандритомъ своимъ Прохоромъ, грамоту государю, въ которой, указывая на бѣдственное положеніе іерусалимскаго патріаршаго престола, пишетъ: „если ты, великій государь, помощи нечинишь намъ, пропадемъ мы отъ лица земли, и въ Іерусалимъ нельзя намъ будетъ ѣхать (грамота писана изъ Филиппополя) отъ многихъ долговъ, а прибѣжища и покрова индѣ не имѣемъ, кромѣ твоего пресвѣтлаго царствія¹⁾. Отъ многого долгу хотятъ бусурманы

¹⁾ Въ своей „Исторіи патріарховъ іерусалимскихъ“ Досиѳей пишетъ: „долгу на святомъ Гробѣ было тогда (когда онъ сталъ патріархомъ) въ Константинополѣ шесть тысячъ гросій, да одному Вартопеду армянскому

великую церковь святого града въ еретическія руки заложить и боимся, чтобы не отошла отъ рукъ нашихъ. Сего ради принадемы до лица земнаго, просимъ и молимъ милосердія и благоутробія твоего державнаго, да припшешь помощь къ святому Гробу Господню и неизреченную милость ради здравія своего и благородныхъ чадъ своихъ, сестеръ и дочерей... Буди владыка тишайшій милость твоя на насъ, якоже уповахомъ на тя, и какъ получимъ милость твою, надѣемся идти во святой градъ Іерусалимъ молить Господа о здравіи твоёмъ до конца жизни. И если облегчимся мало отъ тягости долга, помощію Божіею начнемъ строить монастырь св. Виѳіема великаго Царя: есть гробъ и распатіе и рождество перваго царя, что царствовалъ надъ первыми христіанами, строеніе; кому же иному подобаетъ пособить и порадытъ о гробѣ Царя царствующихъ кромѣ христіанскаго царя, какое есть святое твое царствіе, благодатію Божіею перворожденный и едиnorodный всѣхъ православныхъ христіанъ, похвала и утѣшеніе, свѣтъ и отдыханіе, не только царь прекрасный, но и многими дѣлами украшенный паче діадимы, большую похвалу имѣя крестомъ нежели скиптромъ, отецъ сиротамъ и предстатель повсюду божественнымъ церквамъ. Итакъ призри тишайшій самодержецъ: если всякія церкви строить чужакомъ, то праведно есть, да строятъ тѣ мѣста, гдѣ ступала нога Христова, мѣсто украшенное кровію Христовою; и кто хочетъ помогать странѣ въ крайней нуждѣ, то это намъ, великую сперва оттолѣ началось раззореніе христіанское и нечестивыхъ враговъ много неусыпаемыхъ и гордыхъ и богатыхъ, а благочестивыхъ весьма не много, и тѣ безсильны.

десять тысячъ гросій; въ Іерусалимѣ же шестьдесятъ пять тысячъ гросій капиталнаго долгу, да почти за три срока не были плачены проценты. Долгъ этотъ со времени Паисія и произошелъ, во-первыхъ, отъ проискновъ армянъ; во-вторыхъ, отъ возмущенія дамаскаго правителя противъ султана; въ третьихъ, отъ начальствовавшихъ въ Іерусалимѣ во время возмущенія. А Нектарій по старости своей и немощамъ ничего не могъ сдѣлать къ облегченію долга“. (Кн. 12, гл. 4, пар. 1). Сдѣлавшись патріархомъ, Досиѳей прежде всего позаботился добыть средства уплатить накопившіеся проценты и убавить самый долгъ, для чего онъ и послалъ между прочимъ своего архимандрита въ Москву за милостынею.